

ПАВЕЛ ВОЛЧИК

ПОЛУДНИЦЫ

С НИМИ ПРИДЕТ ЖАРА

Павел Владимирович Волчик

Полудницы

Серия «Изнанка темноты»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56309264

Полудницы : [роман] / Павел Волчик: SelfPub; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152034-2

Аннотация

В жарком мареве плывут огненные силуэты. На полях остаются выжженные следы.

В мирном крае Адыгеи поселяется с женой и детьми бывший военный хирург. Тревожные слухи о загадочных существах, блуждающих по округе, мало волнуют доктора, но исчезновение дочери заставляет его броситься в погоню за таинственными силуэтами. В поисках ребенка доктору помогает отряд случайных добровольцев: Азим – местный библиотекарь, его внук Дэн и Гулышан – врач местной больницы. Вскоре им открывается, что дочь доктора – не единственный пропавший ребенок. Преследуя горящие фигуры, поисковый отряд пересекает горные реки, спускается в глубины древних курганов и сталкивается с грозными силами, стоящими за появлением полудниц.

Победитель в номинации «Острсюжетный роман» Национальной молодежной литературной премии 2021.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	53
Глава 5	63
Глава 6	78
Глава 7	85
Глава 8	94
Глава 9	101
Глава 10	121
Глава 11	126
Глава 12	140
Глава 13	154
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Павел Волчик

Полудницы

© Павел Волчик, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация и дизайн обложки Василия Половцева

* * *

Пролог

Ее тело источало свет.

В груди раскаленным ядром пылало сердце. Лучи пронизывали кости, нервы и кожу, вырывались наружу тонкими струйками чистой энергии. *Она* бежала, почти не касаясь земли. *Она* не замечала, как тлеют травинки от прикосновения ее голых ступней, как дымится и вспыхивает пламенем терновник.

Бронзовая змейка, дремавшая на пригорке, подняла голову. В зеркальной роговице заплясал огонек. Глаза рептилии улавливали тепло окружавших ее предметов и существ. Движущийся навстречу силуэт белел как молния в ореоле кроваво-желтых всполохов. Он мог обжечь, испепелить. Владычица холмов зашипела, скользнула под камень, спряталась в прохладной тени.

За первым силуэтом пронесся второй, третий... Гюрза не двигалась, загипнотизированная танцем солнечных тел.

Они не водили хоровод, не пели грустных песен. От них не пахло сладким мускусом и потом, как от иных двуногих. И все-таки они напоминали людей.

Одна из фигур склонилась над ручьем. Ее лицо исчезло за клубами пара. Змея не слышала, как существо глотает воду, но дрожь, исходившая от раскаленного тела, распространялась по земле.

Жажда, чудовищная, неутолимая, гнала пылающие силуэты на восток. Туда, где квохчет мотор, звякает колодезная цепь и скулит собака. Туда, где воздух пахнет коровьим навозом и свежестругаными досками. Туда, где вьется в небе воздушный змей, скрипят качели и звенит колокольчиком детский смех...

Мерцая лаковой чешуей, змейка выползла из укрытия. Вытянула раздвоенный язык и коснулась отпечатка голой ступни на песке. Довольная, она юркнула в горячий след, свернулась клубком, блеснул глаз с прозрачным веком. Палило солнце, быстро нагревая ее остывшую кожу.

Залаяла собака. Перестали скрипеть качели. Оборвался детский смех.

Глава 1

Черный след

Солнце стояло в зените.

Тысячи желтых глаз с черными зрачками, не мигая, следили за светилом.

Крепкий мужчина в легкой рубашке то и дело закатывал сползающие рукава, в задумчивости разглядывал усеянное подсолнечниками поле. Цветы расплывались в мареве, и казалось, что по полю растекается сливочное масло.

Сухой воздух обжигал ноздри. Пылала обгоревшая кожа на шее, словно ее намазали перцовой мазью.

Еще немного, и подует ветер, зашелестит сухими листьями. Не может он исчезнуть так надолго. Хватит ему носиться по снежным вершинам и выть в ущельях. Хватит лепить пенных барашков из морских волн. Пора возвращаться из отпуска.

– Илий! – позвал мужчину высокий голос.

На лбу выступило несколько капель пота. Илий провел рукой по лицу, повернулся на звук.

– Надень кепку, Илий! А то рухнешь здесь, и урожай будет тебе не нужен.

На этот раз голос прозвучал ниже и грубее. Илий даже удивился, что спутал его с женским. Когда он обернулся,

узнал Азима, местного библиотекаря.

После того как Азиму перевалило за шестьдесят пять, он начал быстро набирать вес.

У библиотекаря были грустные темные глаза, обвисшие щеки и нос, как у хищной птицы. Кудри, влажные от пота, выбивались из-под шляпы. Голос Азима часто давал петуха – вот почему Илий принял его за женский. Азим прислонил велосипед к круглому животу и дергал пуговицу на рубашке – с такой силой, словно собирался ее оторвать.

– С детства не помню, чтобы в наших краях стояла такая жара.

Илий не был родом отсюда, с юга, и поэтому отметил, что Азим сказал «в наших краях». Сюда Илий приехал с семьей всего лишь пять лет назад. Или шесть?

Он надел кепку, согнулся и потрогал пальцами землю. Она была сухой, как слоновья кожа, хотя сегодня Илий специально встал ни свет ни заря, чтобы хорошенько полить поле.

Все-таки ему не везет. Всякий раз, когда он пытается жить как гражданский, а не как офицер, жизнь ставит ему палки в колеса. Наверное, нельзя просто взять и превратить руки военного хирурга в руки крестьянина.

– В этом году я уже остался без кукурузы, – продолжил Азим и провел пальцем по пыльной велосипедной раме. – На зарплату библиотекаря здесь не проживешь. Но картошка в порядке, и виноград, надеюсь, выживет.

– Мы поделимся, если что... – тихо сказал Илий.

Азим усмехнулся.

– У вас двое детей. Вы думаете, я не знаю, что такое дети? Сам вырастил троих. Они по размеру как полчеловека, а едят вдвое больше.

– Смотря какие дети, – ответил Илий.

Библиотекарь окинул собеседника коротким взглядом.

– Вы совсем перестали заходить. Я, честно сказать, был рад, что у нас появился постоянный читатель. Хоть перекинешься парой слов с образованным человеком.

– Совсем нет времени. Вы же знаете, «что такое дети».

– Знаю-знаю, всем нам еще приходится заботиться и об урожае. Но если время появится, то я уже приготовил вам подборку последних медицинских статей, и по сельскому хозяйству найдутся дельные книги.

Азим часто задышал. Выглядел он как фрукт, из которого медленно выдавливают сок.

– Вам плохо? – спросил Илий.

– Бывало и получше.

Библиотекарь вытер лицо платком.

– Вы почти не потеете, Илий. Наверное, ваши дальние предки из Африки.

Впервые за весь разговор доктор улыбнулся.

– Мои предки с севера. Привычка... Знаете, сколько пота выходит, когда целые сутки оперируешь? У меня, наверное, пот закончился.

Азим облизал сухие губы.

– А я так и не привык, хоть и живу в Адыгее с рождения. Давайте уйдем в тень. Это солнце меня убивает.

Но уйти в тень они не успели. Там, где проходила проселочная дорога, далеко в воздухе, повисла такая серая струйка дыма. Илий потянул носом.

– Что-то горит.

– Только пожара нам не хватало. Давайте я съезжу и посмотрю.

Библиотекарь попытался сесть на велосипед. Но остушился и чуть не упал.

– Вы слишком устали. Не стоило вам выходить из дома в полдень. Дайте руку. – Доктор проверил пульс. – Тахикардия. Вы давно проверяли сердце?

Азим кивнул.

– Вы же знаете, у меня нет машины, а пока доедешь своим ходом до города...

– Тогда поедем на моей. Я остановился вон за той изгородью.

– А как же велосипед?

– Спрячем его на время здесь. Вокруг все равно никого нет.

Джип превратился в доменную печь – пришлось ждать, пока горячий воздух покинет салон. Но несмотря на все проволочки, они все равно быстрее добрались бы до очага по-

жара на машине, чем пешком или на велосипеде.

Илий включил кондиционер.

– Дышите чаще и помассируйте вот здесь.

Доктор показал Азиму болевую точку на руке.

– В бардачке вода. Если бы у нас был лимон... Вода с лимоном помогает при спазмах в сердечной мышце.

– Не беспокойтесь. Мне уже лучше. От холодного воздуха мне гораздо лучше.

Они поехали по дороге, поднимая облака пыли.

Доктору казалось, что подсолнечники поворачивают вслед машине головки своих соцветий и следят за ними. Он тряхнул головой – отогнал наваждение.

Струйка дыма стала тускнеть, а потом совсем исчезла.

Илий зрительно отметил место, где видел серое облачко, и прибавил газу.

Джип остановился на краю дороги. Доктор быстрым движением отстегнул ремень и вышел из автомобиля.

– Я пойду с вами, – пропыхтел Азим. – Пожар одному не потушить.

– Пожара уже нет, – ответил Илий, щурясь. – Оставьте дверь открытой. Если будет нужно, я вас позову.

Даже сквозь подошвы Илий ощущал, как раскалился дорожный песок. Он сместился на обочину и пошел по скошенной траве, внимательно разглядывая землю. Следов гари видно не было. Справа от него безмолвной шеренгой выстро-

ились подсолнухи. У растений нет глаз. Почему же у него ощущение, что за ним наблюдают?

Доктор оценил расстояние до пожарного водоема и, проходя мимо, набрал ведро воды.

– Илий! – снова услышал он высокий голос. И опять по ошибке решил, что это кричит женщина.

Он обернулся и увидел библиотекаря, который стоял на обочине, указывая на землю рукой. Значит, Азим все-таки не послушал его и вылез из машины!

Доктору потребовалось время, чтобы дойти до него с полным ведром воды.

– Здесь. Возгорание началось отсюда. К счастью, до поля огонь не добрался. Чудеса!

Илий разглядел черное пятно, расплзшееся по соломенной щетке, которая осталась после недавней косьбы. Сухие травинки вокруг все еще тлели. Он медленно, тонкой струйкой, вылил воду по кайме черного пятна. И только тогда заметил нечто странное, что сохранил в памяти как образ, но о чем решил не говорить библиотекарю.

Они сели в джип и не торопясь поехали назад. Теперь Илий чувствовал, что жара мучает и его тоже.

Они молчали, пока Азим не спросил:

– Вы обратили внимание, какой формы было это пятно?

– Обратил, – признался доктор.

– Это, конечно, не тест Роршаха с кляксами, но все-таки – вас ничего не смутило?

Доктор кивнул.

– И что же вы видели? – Азим облизал сухие губы.

– Чей-то силуэт. Мужчины или женщины. Выжженный след, по очертаниям напоминающий человека в позе эмбриона.

Азим вздохнул, откинулся на спинку кресла.

– Точное описание. Спасибо. А то я думал, что мне голову напекло.

Глава 2

Предчувствие

Когда Илий подходил к дому, жара достигла своего пика. Бетонная площадка с баскетбольным кольцом раскалилась. Белый свет слепил глаза.

Тишина во дворе тревожила. Дети не бегали по лужайке с криками. Елена не развешивала на веревках выстиранное белье.

«Наверное, все спят».

Безмолвие нарушил резкий стрекот цикад в кустарнике. Раньше эти маракасы веселили доктора и напоминали ему о том, что он живет на юге. Теперь трескотня насекомых звучала привычным фоном – никакой экзотики.

Доктор поднял с земли поливочный шланг и повернул вентиль. Вода, нагретая солнцем, обжигала, и ему пришлось подождать, когда заструится холодная.

Под колено ткнулось что-то мягкое и влажное. Доктор вздрогнул, но прежде, чем обернулся, узнал Галена. Беспородный, с острыми ушами, вытянутой мордой и тонкими лапами, пес вышел из тени и принялся облизывать хозяину икры.

– Оставь, Гален, слышишь?

Вокруг правого глаза у пса чернело пятно. Выражение

морды у него от этого получалось придурковатым и хитрым. Илий полоснул дворнягу по боку струей воды. Пес отпрыгнул и припал на передние лапы, готовясь к игре. Но доктору играть не хотелось.

– Пить будешь?

Гален подошел и принялся лакать воду, подставляя под струю длинный жадный язык.

«Пес спокоен, – думал Илий. – Значит, и дома все в порядке».

Откуда тогда эта тревога? Гадкое предчувствие?

Азим снова напомнил о прошлом полевого хирурга? Или напугал прогнозами о неурожае? Вряд ли.

Причина беспокойства – черное пятно на обочине. Причудливая горстка пепла напомнила доктору об останках солдат, которые он когда-то видел в горах после действия напалма. Там, на войне, угольные фигурки в скрюченных позах смотрелись дико – но мало ли что увидишь на месте боевых действий? Здесь, в мирном крае, никто не разгуливает вдоль поля с огнеметом. Да и кто сказал, что на обочине человеческие останки? Просто странные очертания на траве, показавшиеся двум уставшим от зноя людям антропоморфными.

Илий открыл дверь и отодвинул в сторону москитную сетку. В доме царила тишина.

Он прошел в детскую, стараясь не наступить на раскиданные игрушки, и увидел на раскладном диване семейную

идиллию: Елена спала на спине, обняв двух детей, свернувшихся комочками рядом с ней по обе стороны. Ее щеки покраснелись, рот был приоткрыт. Выражение лица казалось детским. По расслабленной позе и по тому, как двигались глаза у нее под веками, Илий понял, что она давно нуждалась в отдыхе и сейчас отсыпается. Возможно, она долго укладывала детей и совсем выбилась из сил.

У Гоши, шестилетнего парнишки, волосы на висках намокли, и тонкая струйка пота медленно катилась по щеке вниз, к шее. Зарина обняла маму за руку, как игрушку, и беспокойно дышала во сне. Ей всего два.

В комнате было душно. Илий тихо подошел к стойке и включил вентилятор, на самый минимум, чтобы звук не разбудил спящих.

Затем он бесшумно пробрался на кухню, поборол в себе искушение выпить кружку обычной воды и выпил только полстакана минеральной.

Жажда сразу утихла.

Илий достал из ящика набор нитей разной толщины, лоскуты тканей, изогнутые иглы и принялся вязать хирургические узлы. Он продолжал практиковаться в ремесле, хотя не был уверен, что однажды вернется к операциям. Просто привык держать себя в форме, и пальцы сами просили работы. К тому же, когда доктор вязал узлы, в голове почти не оставалось мыслей и неприятные воспоминания не мучили его.

Завершая обвивной шов, он ошибся, выругался и начал

снова.

Так незаметно прошел целый час. В дверь постучали.

Илий поспешил открыть – тишина в доме такая редкость: пусть дети еще поспят.

На пороге стоял Дэн, подросток с соседней улицы. На нем была мятая футболка, явно нуждавшаяся в стирке. На кончике носа еще виднелась ссадина от падения с велосипеда, когда он, поспорив с местной ребятней, съехал с горы по разбитой асфальтовой дороге. Велосипед влетел в яму, и остаток пути Дэн пропахал на животе.

Все кости у парня остались целы. После того как Илий осмотрел рану и сказал, что накладывать шов не имеет смысла, Дэн его зауважал – предложил дать пять его окровавленной и грязной руке. Несмотря на ободранные губы, парень без умолку болтал. Юный экстремал признался, что, как только физиономия заживет, он снова попробует съехать с Ореховой горы. Илий обработал рану и предложил Дэну проверить наличие оставшегося мозга в черепной коробке. Парень держался молодцом, на предложение не обиделся и честно признался, что пусть небольшой, но мозг там сохранился.

На этот раз Дэн приехал на дедушкином велосипеде, его собственный почил в канаве у Ореховой горы.

– Привет, Илий. Че творишь?

– Жду тебя в гости.

– Я серьезно! Мне ж интересно.

– Вяжу узлы.

– Снова? – Глаза у парня вспыхнули от любопытства. –

Когда ты уже меня научишь?

– Когда ты перестанешь заходить без приглашения.

– Сыграем сегодня в баскет?

– Издеваешься? В такую жару...

– Ну, я, типа, из вежливости предложил.

– Угу.

Доктор вышел на крыльцо, прикрыл за собой дверь.

– Как дела у деда?

– А что? У него все в порядке...

– У него слабое сердце. Сегодня днем он выглядел скверно.

Парень отошел в сторону, схватился за железную трубу над козырьком и повис сарделькой.

– Все только и болтают про эту жару. А, по-моему, летом это обычное дело.

Он попробовал подтянуться, попыхтел немного и спрыгнул на доски.

– Дед рассказал мне про странное пятно, которое вы видели возле поля. Будто там человека выжгло солнцем. Представляю себе! Инопланетяне прилетели с гигантской лупой и направили луч на местного тракториста. И он такой: «Не-е-ет!»

Дэн упал на колени и начал корчиться, вытягивая руки. Его это очень смешило.

– Ну, ты и балбес... – сказал доктор. – Я думал, после падения с горы у тебя еще что-то осталось в башке. Ошибся.

– У нас в школе драмкружок. Должен же я летом практиковаться.

– Практикуйся без свидетелей.

Парень поднялся на ноги, стал серьезным.

– Пить охота.

– Есть минералка и лимонад.

– А что-нибудь покрепче?

– Ты начинаешь доставать.

Дэн подошел к псу, спящему с высунутым языком в тени. Почесал его за ухом, приподнял лапу и посмотрел, как она бессильно упала на землю.

– У деда в одной книге было написано, что собаки не потеют. Все, что они испаряют, выходит через рот и язык. Это правда?

Доктор вздохнул:

– Не знаю. Я не ветеринар.

Парень хитро посмотрел на него:

– Поехали, посмотрим на это выжженное пятно. Меня аж распирает, так хочу его увидеть!

– Нечего там смотреть. И не трепли языком!

– Да ладно. У нас даже поселок называется Мирный. Нечего делать. Скучно же! Тебе тоже скучно, работы небось нет... Иначе ты бы тут со мной не болтался без дела.

Он умолк, заметив, как доктор нахмурился.

– Ну что ж, – вздохнул Дэн. – Скажу прямо, я зашел, чтоб ты дал мне немного порулить на своем драндулете.

– Не сегодня. Скоро дети проснутся.

– У меня никогда не будет детей. Я слишком люблю свободу.

Дэн протянул руку ладонью вверх.

Доктор с громким хлопком отвесил ему пять.

– Не зарекайся.

– До новых встреч, папаша!

Парень вскочил на потертый велосипед и лихо завертел педалями.

Илий посмотрел ему вслед, усмехнулся и покачал головой.

Парень ищет друзей. Но и доктор отчаянно нуждается в общении. Дэн умеет внести немного хаоса в размеренную жизнь.

Илий вошел в дом, и тревожное чувство вернулось. Он вспомнил слова подростка.

«Люди замечают, что ты не на своем месте, – сказал голос внутри. – Дэн считает, что я такой же бездельник, как и он».

Однако подумав, что с утра он трудился в поле, доктор отбросил эту мысль. Что же тревожило? Может быть, голоса детей, которые уже проснулись? Их пробуждение означает, что остаток вечера Илий должен будет выносить горшки и развлекать ребятишек играми. Но иногда это даже приятно. Это не может тревожить так сильно.

Пятно возле поля... Брошенный кем-то окурок или спичка? Силуэт человека – случайность или наваждение, вызванное перегретым на солнце мозгом?

Илий стряхнул с себя тревогу, как шелуху. Бесшумно вошел в комнату и левой рукой легко подхватил девочку, пронес ее по воздуху, как жужжащий вертолет. Она весело заверещала.

– И меня! И меня! – закричал Гоша, вытягивая руки.

Илий бросил на Елену короткий взгляд, и жена ему улыбнулась. Она выглядела сонной, но вполне отдохнувшей.

К вечеру духота так и не спала. Вся семья собралась на кухне возле большого вентилятора. Елена вытащила из холодильника домашнее мороженое и большой ложкой раскладывала его по блюдам. Гоша, высунув язык, с усердием рисовал солнышко на бумаге. Листы поднимало от потока воздуха из вентилятора, он хлопал по ним ладошкой и никак не мог закончить рисунок. Маленькая Зарина, не моргая, смотрела мультики. Илий в шутку зажимал ей нос, а она, не отрывая взгляда от экрана, вяло отмахивалась.

Мороженое быстро таяло. Елена облизала ложку и сказала то ли себе, то ли мужу:

– В новостях снова говорили про аномальную жару.

– Лето есть лето, – ответил Илий.

– Соседки говорят: давненько не было так тяжело. А они живут на юге с малых лет.

Илий подошел и взял блюдца с мороженым, одну порцию он протянул Гоше, который уже бросил рисование, кусал губы и глазами голодного щенка глядел на подтаявшие шарики.

– Соседки много чего не помнят. В их возрасте жара – худший враг. Сегодня один сердечник...

На дворе залаял Гален. Доктор поставил блюдце и быстро вышел во двор. Дорога, насколько хватало глаз, была пуста. От реки, пробираясь между холмами, плыл густой туман. Илий почему-то знал, что он не принесет свежести.

Гален, почуяв хозяина, весело заколотил хвостом по доскам, глянул на пустую дорогу, наострил уши. Илий уловил в позе пса напряжение, коснулся его холки. Гален вздрогнул, поднял глаза на человека.

– Кого ты видел? – тихо спросил Илий.

Пес широко зевнул, демонстрируя влажную пасть, лег на пол и положил голову на лапы.

Доктор вернулся в дом. Жена поглядела на растаявшее мороженое, потом на него.

– Что это ты выскочил как угорелый?

– Так, решил кое-что проверить...

– Что?

Он не ответил. Взял со стола блюдце. Растекшаяся шоколадная лужица напомнила ему скорченного человечка, но тут же изменила форму.

Ночью Илий долго ворочался. Утром нужно рано встать и успеть поработать в поле, но чем больше он заставлял себя уснуть, тем меньше ему это удавалось.

Воспоминания из прошлого кружили над его постелью. В голове прокручивались сотни операций, которые он сделал, – удавшиеся и закончившиеся провалом.

Он лежал в темноте с открытыми глазами, а пальцы продолжали жить своей жизнью. Они шевелились, совершая манипуляции над телами пациентов, чинили их сломанные тела.

Илий знал, что ошибки – нормальная часть его профессии, и нельзя вспоминать о тех, кому не удалось помочь, но душная ночь напоминала ему последний контракт в Ливии.

Авиабомба, случайно или намеренно, попала в корпус, где жили сестры милосердия. Хирургу предстояли самые долгие двадцать четыре часа в жизни, и ему ассистировали еще неопытные стажеры.

После бомбежки из двадцати пяти женщин в живых остались семнадцать. Их приносили на стол, как расстрелянных лебедей, и доктор до сих пор помнил их белые изувеченные тела.

У нескольких были серьезные травмы головы, двум операцию пришлось проводить вблизи спинного мозга. Под утро голова у доктора почти не соображала, руки сами делали нужную работу: складывали воедино кости, латали сосуды,

сшивали лоскуты тканей.

У последней пациентки на месте уха осталась рана, и не хватало безымянного пальца и мизинца на левой руке. По сравнению с остальными ей повезло. Доктор не помнил ее лица, но ему врезалось в память, что губы у нее шевелились, как будто она молилась.

Он помнил, как конвойный у палатки принял его за пьяного, когда он вышел на воздух, и только заметив в сумраке испачканный кровью халат, солдат извинился и ушел прочь.

Илий стоял на пригорке, не в силах поднять руки, и глядел, как утреннее солнце заливает военный лагерь. Как всегда, пострадали невинные, и как всегда, последствия войны расхлебывали не те, кто убивал и калечил.

Ему не нравилось, что солнце встает так рано. Он чувствовал его теплые лучи на своем изможденном лице. Нет ничего хуже для пациентов после операции, чем жара. Сосуды расширяются, растет вероятность кровотечений, края ран воспаляются и плохо заживают, больных мучает жажда.

Он хотел помолиться о дожде, но был так опустошен, что не нашел в себе сил.

Несмотря на усталость, количество и всю сложность операций, он был доволен своей работой. Он выложил и сделал все, что мог. Илий уверял себя, что не пожалеет ни о чем, каким бы ни был исход.

А потом наступил день.

Жара, как огнедышащий дракон, пришла в лагерь и нача-

ла забирать жизни. Не помогали антибиотики, не действовали новейшие лекарства – последние разработки военных врачей: пациентки гибли одна за другой.

В первый день не стало десяти из них. Во второй и третий еще четырех. Илий понимал, что жизни отнимает жара, но это не успокаивало его.

Доктор видел много смертей. Эти женщины умирали странно: без криков и агонии. Просто делали глубокий вдох и, выпустив из легких воздух, замирали.

К концу недели из семнадцати пациенток выжили трое.

– Тебе заварить ромашки? – Голос Елены вернул его к настоящему. Она всегда чутко спала, когда его мучила бессонница.

Илий через силу улыбнулся, хотя она все равно не видела в темноте его лица.

– Ромашка тут не поможет.

Она погладила его по спине.

– Родной мой, как тебе помочь?

– Отдыхай. Если я буду знать, что хотя бы ты выспалась, мне будет легче.

– А ты? – сказала Елена, и по голосу он понял, что она засыпает.

– А я приму душ. Вдруг поможет.

Душ не помог. Но еще через час Илий все-таки уснул, ка-

ким-то странным поверхностным сном на грани пробуждения.

Глава 3

Пожар

Доктор проснулся с гудящей головой и одеревеневшими конечностями, заставил себя подняться, вышел во двор.

Лужайка возле дома давно поросла бурьяном и травой. Илий не стал заводить бензиновую косилку и с удовольствием поработал обычной косой. Клевер, одуванчик и подорожник, срезаемые острым лезвием, ложились на землю мягким шлейфом. Слабый ветерок принес запах влажной зелени. К доктору с каждым взмахом возвращались силы.

Но воздух недолго будет свежим. С восточных холмов на небосклон уже ползло раскаленное солнце.

Илий открыл дверцу джипа, остановился, почесал в затылке и вернулся в дом за кепкой. Ехал в машине, по обыкновению не включая радио, – наслаждался утренней тишиной, насвистывал импровизированную мелодийку.

Несколько часов ушли у него на то, чтобы полить длинные гряды. Самые большие опасения вызывали посевы кукурузы и болгарского перца, плоды которых он намеревался пустить на продажу.

Домой Илий вернулся раньше, чем предполагал. Жены и детей не было – наверное, ушли играть с соседями на речку. На этот раз доктор заскучал по ним.

Илий перекусил, и его сморил сон.

Он лег на веранде и сразу уснул.

Ему снился раскаленный докрасна джип. Чем ближе Илий к нему подходил, тем сильнее пылал металл. Волны чудовищного жара дышали в лицо. Капли пота струились по лбу, стекали по бровям, щипали глаза. Корпус автомобиля заискрился и вспыхнул, на панелях заиграли языки пламени, дверцы разом открылись. Клубы черного вонючего дыма вырвались из глубины салона.

Что-то стучало и клокотало внутри капота, как в котле. Голос из смога звал доктора по имени, кашлял надрывно и снова звал. Тоненький знакомый голосок...

Илий проснулся и понял, что солнце сместилось. Он лежал в слепящем белом пятне, и лучи беспощадно жарили его тело сквозь оконное стекло.

В дверь кто-то настойчиво стучал.

Илий, конечно, давал клятву Гиппократу, но желание навредить тому, кто его сейчас разбудил, могло ее нарушить. Он протер лицо и открыл дверь.

– Ну, наконец-то! – Дэн стоял на пороге с раскрасневшимися щеками, в той же мятой футболке, в порванных шортах и кедах.

– Опять ты... – сказал доктор, даже не пытаясь казаться вежливым.

Парень сделал важное лицо.

– Я от дедушки. Нужна помощь. В Приречье, говорят, случился пожар.

Азим, местный библиотекарь и дедушка Дэна, выполнял в поселке обязанности старосты. Никто уже не помнил, почему именно его выбрали на эту роль.

– Пожарная бригада принесет больше пользы, чем я. – Голову доктора сдавливали невидимые тиски, она гудела от боли.

Дэн нетерпеливо потоптался.

– Пожарные, скорее всего, уже на месте. А вот врачей не хватает.

– В Приречье есть больница.

Парень взорвался:

– Мы так и будем тут мило беседовать?! На сто километров вокруг неоткуда ждать врачей. Потому что пожар случился в самой больнице! Я думал, что ты...

Илий не сказал больше ни слова, взял ключи от машины, аптечку, которая у него всегда была наготове, и быстро вышел.

– Что еще известно?

– Ничего не известно. Только что в полдень загорелась больница.

Доктор рывком опустил стояночный тормоз, завел мотор. Дэн забрался на переднее сиденье и откинулся в кресле.

– А ты мне зачем? – спросил Илий.

– Я сам по себе, – ответил парень гордо, достал из кармана

жвачку и сунул в рот. – Посмотрю на работу профессионала. Вдруг тоже надумаю стать хирургом.

– Я не дам тебе сегодня порулить. Не мечтай.

Дэн выругался.

Джип поднял облако пыли, когда выехал на проселочную дорогу, ведущую к трассе.

«Не слишком ли много пожаров за последние два дня?» – думал доктор, и воспоминания бессонной ночи оживали у него в голове.

Да, за плечами был опыт, но доктор всегда волновался, мучился от неизвестности, когда не представлял, кого и как ему придется лечить. Он знал, каково это: быть героем в случае успешной операции и преступником в случае неудачи. Ему приходилось бывать и тем и другим.

– Попридержи коней, водила, нам еще нужно деда забрать.

– Еще раз так меня назовешь, и пойдешь на своих двоих, – холодно ответил Илий.

Дэн замялся.

– Я просто решил немного пошутить. А то сейчас воздух загорится от напряжения. Дед хотел поехать с нами. Вон, это, кажется, он голосует на обочине. Пока я ездил на велике, он уже потопал в сторону Приречья.

Доктор узнал приземистую фигуру Азима в соломенной шляпе и остановился.

– Прошу прощения, Илий, что навязываюсь, – сказал библиотекарь. – Но, думаю, лишние руки там пригодятся.

Азим наклонил голову и разглядел на переднем сиденье внука.

– А ты что тут делаешь?!

– Лишние руки пригодятся! – повторил парень и лопнул пузырь от жвачки.

– Илий, если хотите, его можно высадить прямо здесь. Он найдет дорогу домой.

– Хочу, – ответил доктор. – Но, может быть, он действительно нам поможет.

– От него дождешься...

Азим открыл дверцу, закричал и сел на заднее сиденье.

Автомобиль выехал на трассу.

– Вчера попросил положить стопку книг на верхнюю полку, так он мне чуть ли не всю мировую философию пересказал, а книги все равно убирал я.

– Дедуля преувеличивает, – сказал Дэн. – Я всего лишь пытался объяснить, что читать эти книги никто не будет, так какая разница, на полу они лежат или на полках. О! Ровный участок дороги. Илий, дай подержать руль.

– Обращайся к доктору на «вы», Данила! – послышался голос с заднего сиденья.

– Вы, дай, пожалуйста, руль подержать.

– Отвянь, – ответил доктор. – Сказал же: нет.

– Не мешай водителю, изверг!

Азим хлопнул внука по плечу, парень скрестил на груди руки и уставился в окно. Библиотекарь попытался завести разговор.

– Где вы получали образование, доктор?

– В Петербурге. Военно-медицинская академия. Вы там бывали?

Азим отрицательно покачал головой.

– Я слишком мало путешествовал в своей жизни. И, сказать по правде, жалею об этом. А вы, я вижу, много где успели побывать.

– Первую практику я проходил в Севастополе, – продолжал Илий. – Там же получил свой первый контракт.

Библиотекарь вздохнул, неожиданно сменил тему:

– С урожаем в этом году может не повезти... Вы собираетесь заключать новый договор?

– Нет. Я отпахал свои двадцать лет и попрощался с вооруженными силами.

– Отпахали... чтобы пахать в поле. В буквальном смысле...

Илий улыбнулся:

– Мирные профессии всегда привлекали меня больше, чем военная служба. Без усилий политиков и военных у меня не было бы такого богатого опыта в лечении пациентов.

– Работа в поле для вас отдушина или необходимость?

– Необходимость.

Илий посмотрел в окно. Высокие холмы, поросшие тра-

вой, простирались до горизонта. Белые пятна, казавшиеся издали снегом, на самом деле были зарослями рододендрона. Они зацвели необыкновенно поздно в этом году. Прекрасные, но обманываться не стоит – букет таких цветов может вызвать головную боль и сильную слабость. Лучше любоваться ими издали.

Издали лучше следить и за остальной природой. Темными островами выступали темно-зеленые ели. Высоко, практически сливаясь с облаками, сияли снежные вершины. Сбежать бы туда от этой жары! Но и завораживающий вид гор, и голубизна рек – только видимость невинной красоты.

Илий переехал жить сюда, в Адыгею, ради этой природы, подальше от войны. Он влюбился в местную флору и фауну как мальчишка, а теперь пришла пора супружества, осознания того, что и рододендрон может быть ядовит.

Наступавший день готовил зной. Илий перескочил с мыслей о долгом браке с природой к мыслям о жене – все-таки хорошо, что с ней не вышло, как с белым горным цветком. Годы совместной жизни до сих пор не вызвали головной боли, тошноты и других признаков отравления.

Доктор вспомнил, что забыл предупредить Елену о том, что его вызвали в город, и ему стало грустно.

- На что же вы будете жить? – прервал его мысли Азим.
- На денежное содержание.
- Только не говорите, что на него можно прожить.
- Можно протянуть, если добавить небольшую компенса-

цию вот за это...

Доктор отвернул в сторону воротник, и Азим увидел неровный рубец у него на шее.

– Ого! – Дэн присвистнул. – Где это вас так?

– Осколком в Грузии. Честно говоря, я даже не заметил сначала. Очень был сосредоточен на операции. Мне сообщил пациент, когда с локтя закапало. Видимо, рвануло рядом с палаткой.

– И ты продолжил оперировать? – поинтересовался парень.

– Нет. Сильно закружилась голова. Оказалось, осколок прошел в сантиметре от сонной артерии, сквозь мышцу. Мне повезло.

Азим нагнулся вперед.

– Еще раз назовешь доктора на «ты», и я тебя выпорю. Не посмотрю, что тебе уже пятнадцать.

Парень зевнул.

– Я исправлюсь. Но не сразу. Сам же говоришь, дедуля, что я рос без отца и очень поэтому невоспитан. Дай мне время!

Дэн наклонился и без спроса открыл бардачок.

– Здесь есть какие-нибудь эмпэтришки?

– Что?

– Ну, компакт-диски на худой конец. Скучно же всю дорогу слушать наставления!

– Нет.

– Ох, что ж у меня за жизнь такая!

Солнце еще не начало садиться, когда они въехали в Приречье – маленький городок со старыми кирпичными одноэтажными домами. Они объехали по кругу безлюдную площадь и дом культуры со свежевыкрашенными колоннами. Свернули к больнице.

Когда Илий вышел из машины, в лицо ему ударила волна горячего воздуха. По мере того, как они приближались к зданию, воздух делался прохладнее и свежее, но сильно пахло гарью, железом и мылом.

Они обогнули больницу, и увидели, что пожар уже был почти потушен, обгорела только часть западного крыла. Огонь опалил два верхних этажа, дальше его не пустили пожарные. Желтая отштукатуренная стена щербато улыбалась покрытыми копотью кирпичами. На асфальте валялись помятая стойка для капельницы и разбитый сосуд из-под раствора.

– Офигеть! Не зря мы приехали! – воскликнул Дэн, довольный картиной пожара. Илий еле удержался, чтобы не дать ему подзатыльник.

Два пожарных щедро заливали через крышу густую пену. Один из них едва держался на ногах. Третий сидел на ступеньке у кабины пожарной машины с миной Сократа и глядел на грязные потоки воды и пены.

Доктор подошел и поздоровался. Пожарный мгновенно поднялся, то ли заметив военную выправку доктора, то ли от

неожиданности.

– Есть пострадавшие?

– Пострадавших почти что не обнаружено! – отчеканил пожарный, глядя куда-то мимо собеседника.

– Что значит «почти»?

– В здании находились только одна старуха, *дежурный* врач и медсестра. Еще были две беременные женщины и мужик на костылях. Они сейчас в соседнем крыле. Опасность миновата... тьфу... миновала...

Доктор почувствовал запах алкоголя. Видно, пожар застал врасплох не только тех, кто был в больнице, но и спасателей. Машины «скорой» нигде не было видно.

– Кто именно пострадал?

Пожарный наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Не вышло. Тогда вместо ответа последовал долгожданный вопрос:

– А кто вы, собственно?

– Доктор.

Сократ с плохой памятью удовлетворенно кивнул, неторопливо почесал шею.

– Дежурный врач маленько угорел, когда доставал старушку с палаты. Медсестра в порядке. А беременные и мужик...

– В соседнем крыле. Я понял. Где дежурный?

– Отлеживается. Там, у себя в кабинете.

Он указал на уцелевшие окна второго этажа.

Илий поспешил к главному входу. Азим махнул ему ру-

кой, но доктор показал, что необходимости идти нет. Он видел краем глаза, что Дэн его жест игнорировал и увязался следом.

«Ладно, пожар потушен, пускай посмотрит».

У входа он попрердержал парня за локоть.

– Смотри не дури. И делай, что я говорю.

– Ладно...

Они поднялись по обшарпанной лестнице на второй этаж. Дверь в кабинет дежурного врача была открыта. Даже в коридоре пахло нашатырным спиртом.

– Есть кто живой? – позвал доктор.

– Почти, – отозвался слабый голос.

Они вошли в кабинет и увидели на кушетке худого мужчину в грязном белом халате. Он сидел, откинувшись на подушку, и отпивался чаем. Медсестра суетилась вокруг и пыталась приложить к его голове лед, но дежурный только отмахивался:

– Люда, ну уйди. Успокойся!

– Мы из Мирного, – сказал Илий прямо с порога. – Нам сообщили, что нужна помощь.

– А кто вы? – прогнусавил дежурный врач. Глаза у него были красные, как часто бывает при отравлении угарным газом.

– Военный хирург в отставке.

Лицо дежурного переменилось. Он аж весь задрожал от удовольствия.

– Вас, видно, бог послал. А то мы не знали, что делать с этой старухой...

– А что с ней?

– Понимаете, такой сильный ожог – третья степень, а я врач общей практики...

– Показывайте.

Медсестра скомкала в руках пакет со льдом, дежурный указал ей взглядом на дверь. Она усердно закивала головой и повела гостей по коридору. Дежурный остался лежать в кабинете.

– Ты уверен, что хочешь это видеть? – спросил доктор у Дэна.

– Да, – ответил парень и чуть побледнел.

Они спустились на первый этаж, зашли в светлую и прохладную процедурную.

Старушка молча лежала на каталке, по пояс укрытая простыней – руки красные до запястья, будто в перчатках. Седые волосы рассыпались по подушке. Она дышала ровно, как будто спала, но глаза были открыты – мутные, глядящие в одну точку глаза.

Илий провел рукой перед ее носом. Женщина не отреагировала.

– Она ослепла?

– Она поступила к нам... такой, – извиняющимся тоном ответила медсестра. – Это баба Глаша с улицы Мелиораторов. У нее уже много лет глаукома.

Доктор отметил, что старушка не отреагировала и на их голоса.

– Вы меня слышите? Я осмотрю вашу ногу, – громко сказал Илий, предполагая, что у нее могут быть проблемы со слухом.

Он добавил, не поворачиваясь к Дэну.

– Ты еще можешь уйти.

Парень помотал головой.

Доктор откинул простыню и почувствовал неприятный запах горелого мяса. Это был запах его привычной работы, запах войны.

Стопа была серьезно повреждена. Рядом с обгорелыми тканями он разглядел остатки старого бинта.

– Почему пострадавшей не оказали первую помощь?

Голос доктора, наверное, прозвучал слишком грозно, потому что Дэн отступил назад, чуть не налетев на стойку для капельницы, а у медсестры затрясся подбородок.

– Но ведь дежурный угорел...

– Разве вы не знаете, что сначала нужно заниматься тяжелобольными?

Она закивала.

– Так она же ничего не чувствует...

– Она слепа и наполовину глуха. К тому же у нее болевой шок. Но скоро чувствительность вернется. Неужели этого не проходят в медицинских училищах?

Илий постарался успокоиться. Медсестра еще понадобится.

ся ему для серьезной операции, и не время взвинчивать ей нервы.

– Почему на ране бинты? – спросил он, стараясь говорить мягче.

– Она неделю назад наступила на грабли в огороде и ходила сюда делать перевязки. Видимо, во время пожара огонь перекинулся на забинтованную ногу.

Доктор услышал сзади вздох. Дэн стоял, опершись на стену, низко опустив голову.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказал парень. – Я просто еще привыкаю.

– Где операционная? – спросил Илий.

Медсестра ответила, что направо по коридору.

– Эй, зеленый человек, ты в состоянии везти каталку?

Парень кивнул. Доктор специально дал ему встать со стороны головы, чтобы Дэн не глядел на обожженную ногу под простыней и не рухнул в обморок. Вместе они вывезли старушку в коридор. Илий проклял тех, кто додумался сделать в процедурный высокий порог.

– Какие у нее еще проблемы со здоровьем?

Медсестра уже оправилась от испуга и, взглянув на доктора с недовольством, фыркнула.

– Все, которые могут быть у старухи. Неужели не ясно?

– Отвечайте, по существу, – отчеканил доктор по-военному. – Мне нужна конкретика. Она поступила сюда только с раной на ноге?

– Нет. Она поступила сюда с болями в сердце. И поступает каждый раз, когда на улице плюс сорок. Поэтому, – медсестра решила блеснуть знаниями, – ни о каком общем наркозе не может быть и речи: сердце не выдержит.

– Общего наркоза не будет. Проведем футлярную блокаду голени и приступим к ампутации.

Медсестра не поняла его.

– Несите новокаин, – потребовал Илий.

Она ушла.

– Нужно вымыть руки и переодеться. Сходи за дедом, мне, скорее всего, понадобится его помощь.

– Я... я тоже могу помочь.

– Ты пока не готов. Не спорь, Дэн.

– Я и не спорю, – на лице подростка читалось облегчение. – Спасибо, что ты... что вы мне разрешили... посмотреть. Вы ей поможете, да?

– Надеюсь.

Старуха заворочалась и застонала.

– Оставь! Оставь... – бредила она.

– Что она говорит? – спросил Дэн.

– Ничего. У нее горячка.

– Сынок... подойди, сынок!

Она повернула голову в сторону Дэна. Парень вопросительно посмотрел на доктора. Илий кивнул.

Красные руки старухи зашарили по простыне. Дэн – нуж-

но отдать ему должное – не побрезговал и коснулся ее пальцев.

– Закрой окно, сынок... Иначе *она* войдет... Закрой...

– Окно закрыто, – сказал пареньь.

– День ярится. Ох, солнце... солнце... *Она* пришла через окно. Вся белая, как снег...

– Кто пришел?

– *Она* пришла. Я ее видела. Даже я, старая, слепая, видела, как она пылает, как хочет забрать мою душу...

– *Она* устроила пожар? – спросил доктор.

– Стояла возле моей кровати... – старуха задыхалась. – Жар шел, как от котла. Тогда я крестным знаменем себя... о...осенила. И молилась: «Отче наш...».

– Что она такое говорит?! – нахмурился Дэн.

– Как *она* подожгла больницу? – продолжил доктор, наклонившись к больной.

– А? Только я перекрестилась, бросилась эта бестия на занавеску... Подпалила...

Женщина обессилела и положила голову на подушку.

– Ох, ногу жжет. Хватала она меня, что ли?

– Да как ее зовут? – не выдержал пареньь. – Слышите? Как звали эту тетку в белом?

Но старуха опять забылась и смотрела, не моргая, в потолок.

– Ничего не понимаю, – сказал Дэн и нахмурился.

– Нечего понимать. Иди, мы и так потратили кучу време-

ни. Где носит эту медсестру?

Дэн побежал к выходу, одновременно с ним в коридор с лестницы вошла медсестра.

– Может, это она – тетка в белом?

Илий махнул ему рукой. Медсестра недовольно обернулась на подростка.

– Кто его вообще сюда пустил?

– Я, – сказал хирург. – Где можно переодеться?

Илий осмотрел операционную. К счастью, ею периодически пользовались.

Медсестра угрюмо выполняла его команды. Анестезиолога рядом не было, и доктору пришлось самостоятельно рассчитывать дозу обезболивающего, исходя из данных о весе пострадавшей.

Пока он делал уколы, в дверь постучали.

– Это я! – Илий узнал голос Азима.

– Помогите ему переодеться, пожалуйста, – попросил Илий медсестру.

– Кто это?

– Библиотекарь. Мне нужны помощники.

– Что вы тут устроили? Это больница!

– И я не вижу ни одного врача. Где хирург?

– Она в отпуске.

– Кто за нее?

– Доктор Нарышкин. Но он заболел.

– Пожалуйста, поторопитесь, наркоз уже действует.

Через четыре минуты в операционную вошел Азим. Он выглядел растерянным и смешным в хирургическом халате и шапочке. Его руки в резиновых перчатках были согнуты в локтях, он держал их с особым усердием, так, как обычно это делают врачи в кино.

– Когда я сказал, что мои руки могут кому-нибудь понадобиться, я не имел в виду, что готов вам ассистировать, Илий.

Азим с опаской посмотрел на поднос с инструментами, его взгляд остановился на хирургической пиле.

– Как вы переносите вид крови?

– До этого дня сносно, – ответил библиотекарь.

– Не переживайте. Вам не придется сюда смотреть, но я попрошу вас следить за показателями. Видите две эти параболы на экране?

– Сердечный ритм?

– Точно. Мне нужно сообщать о любых изменениях. Справитесь?

Азим закивал:

– Это проще, чем мне казалось.

– Тогда начинаем. И постарайтесь думать о чем-нибудь постороннем. Например, о том, на каких полках лежат ваши любимые книги, или о том, как вы собираете богатый урожай.

В операционной скоро стало душно. Илий работал быст-

ро и удивлялся, что руки все помнят. Пациентка переносила операцию с отрешенным и равнодушным лицом, видимо действие шока еще не прошло.

Медсестра тоже держалась достойно. Хотя Илий не раз сталкивался со случаями, когда ассистенты теряли сознание во время операции.

Когда доктор уже накладывал швы, во дворе слышались звуки сирены. Раздались приглушенные голоса.

Азим забеспокоился:

– Пульс учащается. Он ведь учащается, когда эти «параболы» становятся похожими на забор?

Старуха задышала чаще, повернула голову.

– Бабка, бабка... – шепотом повторяла она.

– Потерпи еще немного, родная, потерпи... – сказал доктор ласково.

– Сынок, слышишь? Бабка рассказывала, как однажды видела *ее* в поле, – губы старухи шевелились очень медленно. – А тут *она*... и прямо в окно...

– Кого же видела ваша бабка? – Илий знал, что разговоры отвлекают внимание пациента. Ему оставалось сделать еще два стежка.

– Полудницу! Полудницу-у-у! – старуха взвыла и попробовала сесть.

Доктор едва удержал иглу.

– Лягте! Лягте! – закричала медсестра.

Больная бешено вращала глазами, потом сжала губы, по-

бледнела и успокоилась.

– Реже... – огорченно произнес Азим, – пульс стал реже.

В дверь постучали.

– Кто здесь? Нам срочно нужна операционная!

Доктор бросил мрачный взгляд на медсестру. Она избегала смотреть на него и делала вид, что сосредоточенно распутывает бинт.

– Мы заканчиваем, осталось перевязать! – крикнул Илий.

– У нас тяжелая травма. Мы входим. – Послышался настойчивый голос из-за двери.

– Войдете – и потеряете другого тяжелого больного.

– Кто это говорит? Я главврач, откройте.

Доктор негромко выругался. Снова взглянул на медсестру.

– Ваша работа?

– Я даже не знаю, кто вы, – ответила она, глядя на хирурга с вызовом. – А бригада и так должна была приехать с минуты на минуту.

– Что-то они не торопились.

Илий понял, почему она так долго ходила за новокаином, – звонила ябедничать. Зря он упомянул про медицинское училище.

– Перевяжите рану. Только не переусердствуйте – чтобы не прела.

– Я знаю, как делать перевязку! – огрызнулась медсестра. Приход медицинской бригады заметно ее воодушевил.

Доктор снял перчатки и приоткрыл дверь в коридор.

На него чуть не налетела невысокая крепкая девушка, которая стояла у двери. Она уже была в хирургическом халате и шапочке. Ее темные ястребиные глаза пронзили его и принялись изучать.

– Кто у вас?

– Пожилая женщина. Ожог третьей степени. Мы почти закончили.

Он посмотрел за дверь.

– Что-то я не вижу вашего тяжелого пациента. Или он слишком тяжелый?

Ястребиные глаза полыхнули огнем. Щеки девушки разгорелись. Черты лица обострились, но не утратили красоты. Она быстрым и решительным движением собрала в тугую косичку черные, как графит, волосы и убрала их под шапочку.

– Санитары уже во дворе, – сдавленно проговорила она. – Пришлось делать повторную перевязку. У молодого человека ранение бедренной артерии. Сейчас его привезут.

– Допустим.

– Думаете, мне важно, верите вы мне или нет? Я впервые вас вижу и не понимаю, что в моей больнице делает незнакомый врач. Если, конечно, вы врач...

– Ну что вы. Я библиотекарь.

Азим кашлянул.

– Верится с трудом – пробормотала девушка.

Она взглянула через плечо. Увидела ровный шов там, где бинт еще не закрыл рану.

– Документов он не предъявил, – вставила медсестра. Ее лицо было красным. Доктор надеялся, что это из-за стыда, а не от жары.

– Это Илий Александрович, военный хирург с двадцатилетним стажем, – вмешался Азим. – Я попросил его помочь.

– А, это вы? – главврач устало улыбнулась. – Я не узнала вас, Азим, в этом наряде. Вот вы, правда, библиотekarь и староста Мирного. Вспоминаю, я просила вас прислать *любую* помощь.

Она вновь окинула доктора недоверчивым взглядом.

– Помощь прибыла. В лучшем виде, – сказал Азим. – Познакомьтесь, Илий, это Гульшан Сергеевна.

– Можно просто Гульшан, – сказала девушка и добавила, – но для тех, кого я действительно знаю.

– Не пора ли готовить операционную к новому пациенту? – поинтересовался доктор. – В этой больнице, как я погляжу, никто никуда не торопится...

– У нас есть вторая операционная. Я просто хотела проверить, что тут происходит.

Илий указал ей глазами на дверь.

– Выйдем? Нужно поговорить...

Девушка выгнула черную бровь, пожала плечами и направилась к выходу.

– А что с пульсом? – спросил Азим доктору вслед. – Так

и должно быть?

Илий взглянул на монитор.

– С ее сердцем это хороший пульс. Отвезите старушку в тихое темное место и дайте поспать.

– У нее нет никого на этом свете, – тихо прошептала медсестра и театрально вздохнула. – Она слепа и глуха, а теперь еще без ноги. Вы считаете, что помогли ей?

– Ничего я не считаю, – доктор раздраженно толкнул дверь плечом. – Но это лучше, чем умереть одной в пустой больнице, мучаясь от страха и боли.

Главврач ждала его снаружи. Она выглядела бледной, несмотря на жару. В коридоре уже слышен был скрип каталки. Санитары везли нового пациента.

– Персонал у вас первоклассный, – сказал Илий, опираясь на стену, чтобы дать ногам передохнуть.

Девушка устало взглянула на него:

– Вы думаете, здесь есть из чего выбирать?

– Не обижайтесь. Больница была не готова к приему даже одного пациента...

– Вы разве не в курсе? – грустно спросила она. – Сегодня случилось четыре пожара. Совершенно в разных местах. Молодой человек с раной в бедре из деревни Радужница. Он выпрыгнул из окна горящего дома. Говорят, что есть поджигатели, но кому нужно жечь без разбора старые больницы и деревянные дома? Мне непонятны мотивы...

Она покачнулась, резко опустила голову, оперлась рукой на стену.

– Что с вами?

– Ничего. Жара. Сейчас пройдет.

– Я вас заменю. Мне несложно.

– Нет! – почти крикнула она и добавила мягче. – Нет. Мне привычно. Это просто от жары. Уже все в порядке. Я вам доверяю, но это *моя* работа. К тому же у меня есть помощники. Уж их-то я обучила.

Илий кивнул. Он хорошо ее понимал.

– Я вас не поблагодарила. Спасибо, что помогли.

Она улыбнулась. Ястребиный взгляд смягчился, показался просто взглядом молодой милой девушки, но это длилось лишь мгновение.

Доктор вернулся в операционную. Старушки и медсестры уже не было. Азим сиял от счастья.

– Всегда хотел попробовать себя в качестве врача.

Илий начал снимать хирургический халат, показавшийся в духоте тяжелым.

– Ваш внук тоже так говорил. До первой встречи с пациентом.

– Давайте, я вам помогу.

Азим заботливо развязал завязки на спине. Халат был старый, многоразовый – Илий весь взмок под ним.

Они вернулись к машине. Дэн болтал о чем-то с пожар-

ным. Увидев деда и доктора, он махнул им рукой и подошел.

– Шесть вызовов за день, два из них ложные. Как вам такой расклад? Пожарный сказал, что такого еще никогда не было.

– Все эта проклятая жара... – сказал Азим, садясь в джип.

Илий вспомнил слова главврача о поджигателях и промолчал.

Дэн завертелся на переднем сиденье.

– Ну как, бабушку удалось спасти?

Доктор кивнул. Завел мотор.

– Она пережила тяжелый стресс. Неизвестно, сможет ли сохранять связь с окружающим миром.

– Она вроде бы немного того, – Дэн постучал по пластмассовой панели перед собой. – Стоило ли так заморачиваться, если она все равно ничего не понимает?

– Не говори ерунды, Данила! – заворчал Азим с заднего сиденья. – Каждый человек имеет право на медицинскую помощь. Правда, доктор?

– Правда.

– А я ничего такого и не говорю, – начал Дэн, – просто она как будто с того света вернулась. Причем не полностью.

– Это шок. Посттравматический шок, – отрезал Илий.

– Называйте, как хотите, доктор. Вам лучше знать.

Азим похлопал парня по плечу и довольно засопел.

– Ну что опять, дедушка?

– Ты молодец, стал обращаться к доктору на «вы».

– Правда? А я и не заметил...

Глава 4

Солнечный блик

Было около пяти часов пополудни. Но жара и не думала спадать. От асфальта поднималось марево. Горячий воздух вдалеке переливался, как расплавленная ртуть.

– Похоже на море, – сказал Дэн, глядя, как машина приближается к очередному серебряному пятну.

Казалось, что сейчас они въедут в одно из дрожащих зеркал и вокруг автомобиля разлетятся блестящие брызги.

Вся компания во главе с доктором возвращались в Мирный, а парню не хотелось обратно домой.

Он посмотрел в боковое окно и увидел привычные взгляду холмы, поросшие густой травой. Иногда то тут, то там попадались кучи разломанных камней телесного цвета – изда- лека казалось, что на склонах прилегли отдохнуть каменные големы¹. Вот-вот они поднимутся и побегут по холмам вниз.

В низине узкой лентой блеснула речка. Бурная и прохладная, она брала начало у горных вершин. У Дэна все тело зачесалось под футболкой – так ему захотелось искупаться. Но он вырос здесь и хорошо понимал, что такая река может при-

¹ Существо из еврейской мифологии. Голем создан из грязи, камней и лавы, обладает сверхъестественной силой. Похож на большого каменного человека (Прим. автора).

нести вместо облегчения гибель.

Однажды он видел, как в такую реку упала овца и всего через пять минут разбилась о камни.

Потом гряда холмов оборвалась и по левой стороне потянулась широкая равнина.

Дэн внимательно всматривался вдаль, пока не обнаружил то, что искал.

Древний курган поднимался посреди поля. Его можно было принять за обычный холм, но в формах едва заметно угадывался результат рукотворного труда. Острый взгляд даже мог разглядеть углы тяжелых плит на склоне, которые за века так и не обросли зеленью.

Однажды в школе Дэна спросили, как назывался народ, насыпавший эти курганы. Он не ответил. И теперь ему тоже было не вспомнить. Он только знал, что народ этот был очень древним, и что ученые ломали головы, почему найденные в могильнике артефакты из бронзы и золота принадлежат людям, которые не могли еще освоить ремесло обработки металлов.

Бабушка когда-то рассказывала Дэну, что с этого кургана люди наблюдали за соревнованиями всадников. И потому он называется курган Скачек.

Бабушка... Дэн вспомнил ее морщинистое лицо и сухие руки. Глаза, всегда взволнованные и добрые.

Парень вспомнил глаза старухи из больницы. Мутные,

слепые...

Он прервал молчание и произнес голосом заправского сыщика:

– Мы так и уехали, не узнав, кто устроил поджог. Кажется, вы прошляпили ценного свидетеля, доктор Илий.

– Прекрати так меня называть! – Водитель выглядел уставшим. – Почему ты всегда выдумываешь какую-нибудь ерунду?

– Потому что он читает всякую ерунду, – ответил за парня Азим. – Нет, чтобы прочесть классику...

– Что особенного в вашей классике? Тетка изменила мужу с молодым офицером. Заревновала его и бросилась под поезд. Чему, скажите мне, я должен научиться?

– Надо ж так исковеркать Анну Каренину! – Азим громко засопел.

– Пока на меня напирают, – начал Дэн, – я решаю головоломку, которую подсунула нам в больнице бабуля. Она видела поджигателя и описала его, то есть ее. Женщина в белой одежде. Уж не главврач ли это? Я видел, как она выходила из машины. Красотка. В хороших детективах меньше всего ждешь убийства от красотки.

– Не нужно принимать на веру все, о чем говорят пациенты. Особенно в состоянии тяжелого стресса, – мрачно ответил доктор.

– Вам она понравилась, Илий? Я давно ее заприметил. Дедушка тоже считает, что Гульшан самая симпатичная девуш-

ка в нашем районе. Да, дедуля?

– Пожалуй.

– Ты ей до подбородка не достанешь, – сказал Илий.

– Я еще расту. – Дэн развалился на сиденье. – А женщины с возрастом становятся ниже ростом.

– Ну и болтун же ты, – буркнул Азим и обратился к доктору совсем другим голосом. – В самом деле, Илий, что в такой истерике кричала старушка?

– Она кричала *«полудница»*.

– Да. Точно. Я никак не мог вспомнить, что это значит. А теперь припоминаю. Это какое-то мифическое существо...

– Бестия, – перебил деда Дэн. – Она кричала: «Бестия по-дожгла занавеску». Так что бестия – мифическое вещество.

Азим махнул рукой.

– Ну и здоров же ты трепаться! Существо, а не вещество, это, во-первых. Во-вторых, бестия – это ругательство. Хоть и устаревшее. Вы знаете, кто такая полудница, доктор?

– Не знаю. Я бы не придавал этому большого значения.

– А я и не придаю. Но все-таки загляну в мифологический словарь. Полезно, знаете ли, заполнять пробелы.

Дэн закатил глаза.

Дорога повернула, и вокруг раскинулись засеянные пшеницей поля.

Они проехали еще немного и увидели красную точку у обочины. По мере того, как они приближались, точка принимала очертания машины. Что-то блеснуло вдали и исчез-

ло. Словно кто-то повернул в руках зеркало.

Дэн первым заметил, что трактор съехал с дороги и стоит чуть накренившись. Когда они поравнялись с ним, стало видно, что трактор чудом не угодил в канаву – переехал на другую сторону и застыл на месте. За колесами стелился след из примятой пшеницы. Местами виднелись комья вывороченной земли.

– Что за день сегодня?! Творится черт-те что... – сердито засопел Азим.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось золотое поле колосьев.

– Кто это взял и бросил тут транспорт?

Не успел Илий заглушить двигатель, Дэн уже вышел из машины и перемахнул через канаву.

– Осторожно! – крикнул Азим. – Смотри под ноги.

Парень ступал по колее, оставленной колесами трактора. Он понимал, что значит вырастить пшеницу, собрать ее и выпечь хлеб, поэтому старался не примять ни одного колоса.

Он видел, что кабина трактора пуста, но когда подошел поближе, разглядел за стеклом маленький темный холмик на фоне неба и на нем несколько торчащих волосков.

«Чья-то голова!».

Дэн запрыгнул на ступеньку.

– Кто там? – услышал парень за спиной голос доктора.

Дэн заглянул в кабину и увидел худого мужчину в грязной футболке. Он опустил голову на грудь и не двигался. Слюна

длинной ниточкой тянулась к его согнутой ноге.

Парень отшатнулся и чуть не упал с подножки.

Илий уже был рядом. Он легко поддержал Дэна, затем отодвинул его в сторону и заглянул в кабину.

– Он мертвый? – еле слышно спросил парень.

Доктор, не отвечая, начал ощупывать трактористу шею. Для этого ему пришлось целиком протиснуться в тесную кабину. Когда Илий вылезал, раздался звон, и Дэн увидел, что наружу выпала пустая бутылка.

– Пьян. Мертвецки.

Солнце шпарило беспощадно. Дэн чувствовал, как футболка прилипает к спине.

Дедушка стоял на обочине метрах в десяти от них и не мог расслышать, о чем они говорят.

– Что же нам с ним делать? – Парень чувствовал, что его язык еле ворочается во рту. Он посмотрел на небо, как будто там искал причину своей слабости, но яркое солнце только сильнее ослепило его.

– Придется брать с собой. – Голос доктора звучал откуда-то издалека. Дэну показалось, что целая вечность прошла, пока он дождался ответа. – А то он испечется здесь, как в духовке.

Дэн снова посмотрел на дедушку – тот вяло помахал им рукой. Дэну казалось, что и сам он двигается так же медленно, грузно.

– Что там стряслось? – крикнул Азим, прикрываясь ладо-

нюю от яркого света.

Солнечный блик на мгновение ослепил парня, и ему показалось, что по дороге проехала машина. Но ни звука мотора, ни самого автомобиля так и не появилось.

– Тянет же кого-то напиться в такую жару, – пробурчал Илий.

Снова сверкнуло. Дэн вспомнил, что подобные блики он видел, когда они еще только подъезжали к трактору.

«Что это?!».

Дедушка сделал неуклюжую попытку перебраться через канаву. Позади него застыл пустой джип с открытой дверью. Горячие струи воздуха поднимались от капота, преломляли линию горизонта.

Горящее солнечное пятно, как живое, выплыло из-за пригорка, с другой стороны, дороги, и стремительно переместилось за машину. Дэн сожмурился, раз, другой. В заднем тонированном стекле на мгновение мелькнул человеческий профиль – или ему только показалось? Вспышка. Полоска света резанула глаза, очертила силуэт автомобиля, разрослась, поползла, ослепляя лучами, прямо на них. Дэн закрылся ладонью, но не смог удержаться, глянул в щель между пальцами: сгусток света высотой около полутора метров рванул вперед. Парень разглядел дедушку, застывшего на пригорке, вернее, его темную фигуру.

– Де-е-ед! – крик сам вырвался из груди, глаза заслезинились. – Дед! Ложись! Ложись!

Хотя на улице и так стояла жара, в лицо Дэну хлынул обжигающий поток воздуха, как бывает, когда открываешь разогретую духовку.

Белый свет ослепил до боли, проник сквозь зажатые пальцы, сквозь веки, ворвался в голову. Дэн завопил от страха. Только бы не ослепнуть! Лучше умереть, чем стать таким же беспомощным, как та старуха в больнице!

«Не хочу терять зрение! Не хочу!»

Белизна сменилась краснотой, искрами в глазах. А потом и вовсе сделалось темно. На плечи Дэна легли чьи-то руки. Он вздрогнул. Медленно открыл глаза.

Илий стоял прямо перед ним и внимательно вглядывался в лицо парня. Дэн повертел головой – никакого солнечного сгустка в поле. Пели сверчки, хрустела солома под ногами. На раскаленном синем небе ни облачка.

– Живой?

Дэн попытался заглянуть доктору через плечо, но ему не хватило роста. Заметив это, Илий отошел в сторону, развернулся.

Дедушка стоял, припав на одно колено, ощупывал голову. По лицу и шее струился пот, глаза ошалело вращались, искали что-то возле себя. Он медленно поднялся, отряхнул пыль и сухие стебли со штанов.

– Что это было? – спросил Дэн, пытаясь сглотнуть пересохшим горлом. Он не ждал четкого ответа, просто не мог молчать.

Азим облизал сухие губы:

– В спину будто кто-то паром дохнул...

Дэн вертел головой, глядя то на дедушку, то на доктора.

– А ты... то есть вы, Илий. Вы ведь тоже *это* видели?

– Видел.

По лицу доктора было не разобрать, что он чувствует.

– И что это за ерунда?! Солнечный удар? Какое-то секретное оружие военных?

Илий посмотрел под ноги, тяжело вздохнул:

– Не думаю. Это выглядело... как...

– Как что-то живое, – закончил за него парень. – Мне даже показалось, я видел человеческое лицо через стекло в джипе. Я спрашиваю: кто это или что это?

Доктор нахмурился, как будто раздумывал, отвечать или нет. И, наконец, глухо произнес:

– Женщина в белой одежде. Поджигатель.

Дэн лишился дара речи. Илий сам говорил, что это бабушкины бредни, а теперь... И вообще, с чего он взял, что этот сгусток света – женщина?

Несмотря на жару, по спине у парня побежали мурашки. Ведь дедушка что-то говорил об этом. Мифическое существо. Выдумка...

Парень услышал усталый голос Илия:

– Нужно забирать тракториста и уезжать.

Смутное чувство заставило Дэна повернуться, он обогнал доктора и запрыгнул в кабину трактора. Секунду поколебав-

шись, он преодолел брезгливость и принялся нащупывать пульс на руке водителя.

Кожа была едва теплой. Дэн не умел находить пульс на шее, как Илий, но он сто раз измерял пульс у дедушки на запястье.

Сердце не билось, грудь не поднималась, и человек в раскаленном тракторе спал тем сном, от которого не пробуждаются.

Дэн внезапно осознал, что впервые в жизни касается мертвеца. Он резко отдернул руку и кубарем вылетел из трактора.

Глава 5

Курган Скачек

Джип свернул с трассы на проселочную дорогу к Мирному. По сторонам проплывали до скуки знакомые пейзажи. Дэн вздохнул и отвернулся от окна.

Остаться посреди поля на такой жаре было равносильно самоубийству. Поэтому дедушка позвонил в полицию и описал примерное местоположение, где остановился трактор. Азима в округе хорошо знали, ему доверяли, и потому после длинного и тяжелого дня пассажиры джипа могли оставить злополучное место и вернуться домой.

Когда они уезжали, Дэн смотрел в зеркало заднего вида: какое-то время там виднелся трактор, замерший посреди пшеничного поля. Слабый ветерок волновал ниву, она двигалась, как живая, и сложно было поверить в то, что внутри железной коробки, опрокинув голову на грудь, сидит мертвый человек.

Дедушку они высадили возле дома. Он долго уговаривал парня не докучать доктору. Говорил, что Илий устал и ему нужно побыть с семьей. Но Дэн остался в машине. Он знал, что Елена всегда расстраивается, когда ее мужа долго нет.

И парню казалось, что он по-дружески поможет Илию, если пойдет вместе с ним.

Доктор тоже чувствовал, что так будет лучше. Но только Дэну, а не ему.

Парень тяжело вздохнул – ему явно хотелось выговориться. Он молчал уже целые две минуты.

Илий едва улыбнулся. Дэн поднял брови:

– Над чем это вы смеетесь? Как вы вообще можете смеяться после того, что мы видели?!

– А что мы видели?

– Труп посреди поля. Какую-то тварь, которая пыталась убить моего деда.

– С чего ты взял, что она хотела убить твоего деда?

– Она ведь убила этого тракториста...

– Разве? Я этого не видел.

– И это вас насмешило?!

– Нет, не это. Просто сегодня днем ты сказал, что хочешь стать хирургом...

– И что? – парень недовольно поерзал на сиденье.

– Болезни, раны и смерть – всего лишь часть нашей работы.

Дэн насупился.

– Нельзя к этому привыкнуть, спятить можно, если к такому начнешь спокойно относиться!

Илий повернул руль, машина ушла вправо и поехала по грунтовой дороге с горы.

– Именно поэтому, – сказал он, – каждый раз, делая операцию, я боюсь провала. Жутко боюсь кого-нибудь убить или сделать инвалидом. Я волнуюсь так, словно за плечами у меня нет никакого опыта.

Парень вытаращил глаза.

– И это вам не мешает?

– Это мне помогает сосредоточиться и делать свое дело с максимальной отдачей.

Дэн положил ладони на затылок и расставил локти в стороны.

– Я уже убедился в том, что вы крутарь. Я даже глядеть не мог на тот ожог на ноге, а вы его с таким невозмутимым видом рассматривали! Прикольно быть взрослым и уверенным в себе. Но только я не думаю, что лет эдак в сорок-пятьдесят я перестану бояться ран и мертвецов.

– Мертвецы совсем не опасны, – сказал доктор и добавил тихо: – По сравнению с живыми.

Когда джип подъехал к дому Илия, солнце начало медленно клониться к закату.

Они вышли из машины и пошли через двор. Воздух все еще оставался сухим и душным. Лужайка напоминала поле битвы: по ней были разбросаны игрушечные машинки, мячики разных размеров, динозавры и ведерки с лопатками и граблями. В тени валялся перевернутый детский горшок.

Дэн тревожно поглядел на доктора. Но лицо Илия сохра-

няло спокойствие, видимо, это было делом обычным – такой беспорядок. Доктор периодически наклонялся и поднимал что-нибудь с земли, каким-то автоматическим заученным движением.

Со стороны крыльца слышались детские голоса, визг, смех и плеск воды.

Дэн понял, что сильно хочет пить.

Елена подняла голову, вздрогнула и поднялась, когда они появились из-за дома. Ее руки были мокрыми по локоть, с пальцев капала вода. Дети резвились в надувном бассейне, и под вечерним солнцем их маленькие тела казались розовыми и вместе с тем прозрачными. Они напомнили Дэну каких-то волшебных существ из страны, где фрукты и цветы ходят на ножках и разговаривают.

«Волшебных существ... – вяло подумал парень. – Волшебных существ на сегодня хватит...».

Доктор бодро поздоровался. Он обнял Елену, а она в ответ едва коснулась его плеч, так, как будто не верила, что он вернулся. Она выглядела очень усталой.

«И ее доконала эта жара...».

Пес на крыльце весело заколотил хвостом и принялся скулить, завидев хозяина. Гоша и Зарина полезли вон из бассейна. Дети закричали высокими голосами, когда увидели, что Илий пришел. Дэн даже закрыл уши от визга.

Дедушка с бабушкой воспитывали его с малых лет. Па-

рень почти не помнил своего отца.

«Интересно, – подумал подросток, – я так же визжал, когда папа приходил домой?».

Азим ничего не рассказывал о родителях, хотя вопросов у Дэна было море. «В свое время все узнаешь», – загадочно отвечал дед. Но парень так устал ждать «свое время», что перестал спрашивать.

Ему нравилось бывать у доктора. Илий подшучивал над ним, но никогда не лез с наставлениями, Елена была с ним ласкова и смеялась над его шутками. Полюбил он и малышей: старший, Гоша, видел в нем какого-то героя, когда Дэн катал его на велосипеде, Зарине нравилось сидеть у парня на коленях, зажимать пальцами его нос и смотреть, как он раздувает щеки.

– Почему ты не предупредил? – Елена теребила пальцами полотенце, в ее голосе слышалась досада.

– Я забыл телефон, – сказал доктор. – Срочный вызов, в Заречье был пожар...

– Какой вызов? Ты же больше не работаешь...

Дэн решил вмешаться.

– Это мы попросили Илия помочь. Я и дедушка. Горела больница, и мы не знали больше ни одного врача в округе. Он помог там одной старухе...

Она бросила на парня пристальный взгляд, и Дэн замолк. Елена сказала доктору:

– Нужно поговорить наедине. Идем.

Илий вздохнул – он так и стоял с детскими игрушками в руках, которые поднял с лужайки. Он посмотрел на бассейн, куда уже вернулись дети, потом на Дэна.

– Я посмотрю за ними, – сказал парень как можно веселее. – Идите!

Он сел на табурет, и Зарина сразу протянула ему мокрый пластмассовый кораблик.

Она была похожа на ангелочка – со светлыми кудрями, маленькими ладошками и круглым животиком. Только на шее и на локтях у нее виднелось несколько красных пятнышек с сухой кожей по краям. Дэн как-то спросил доктора – что это? Илий ответил – кожное заболевание. У него еще было какое-то «собачье» название, но парень не запомнил. Он спросил у Илия, больно ли от этого малышке, и доктор сказал, что сейчас нет, но когда она станет старше, это будет доставлять ей некоторые неудобства. Так и сказал: некоторые неудобства.

Дэн спросил, заразно ли это. И доктор сказал, что нет, не заразно.

«Несправедливо, – сказал тогда Дэн, – что такие малявки болеют».

Зарина пока знала всего несколько слов, да и то произносила их на понятном одной ей языке. Большую часть времени она объяснялась жестами.

Гоша сидел на бортике бассейна и выстраивал в шеренгу резиновых динозавров. Мина у него была такая, как будто от

этого зависела судьба мира.

После ухода родителей дети затихли, и Дэн слышал обрывки разговора в прихожей за приоткрытой дверью:

– ...сложно было взять телефон?

– ...аптечку... мы спешили...

«Почему она ругается? – удивлялся Дэн. – Он людям жизни спасает, а она ругается».

Но послышался какой-то странный чмокающий звук, и голос Елены стал звучать мягче, хотя по-прежнему оставался обеспокоенным.

– Соседки говорят... и в новостях... пожары и разные слухи... то ли учения, то ли военные действия...

– ...слышал... ты же знаешь, у страха глаза велики...

– Послезавтра я еду в Майкоп... – голос Елены заглушил плеск воды, когда Гоша решил кинуть в бассейн первого динозавра. – ... посидеть с детьми.

– Хорошо, – ответил Илий.

Вечером они вместе ели арбуз и дыню и смеялись над тем, как Гоша собрал из черных косточек армию и повел ее на битву с белыми косточками.

На этой уютной кухне события уходящего дня казались дурным сном. Дэн почти забыл о слепой старухе с ожогом, о светящемся сгустке света и о мертвом водителе в поле.

Только по дороге домой, когда солнце уже село и на небе мерцали первые звезды, он снова вспомнил о человеке-

ском лице, которое едва различимо видел сквозь затемненное стекло машины. По телу пробежал холодок.

Ноги сами понесли его вперед. Парень запрещал себе смотреть по сторонам. Изогнутые деревья и кусты напоминали ему каких-то старых ведьм и чудовищ.

Он закрыл калитку на крючок, как будто забор мог спасти его от всех ночных страхов. Возле двери, под половиком, руки быстро отыскивали ключ, оставленный дедом.

Дэн тихо прошел по скрипящим половицам в дом, поднялся по лестнице и лег на свою кровать. Его сразу сморило в темноте, глаза начали слипаться. Но любопытство пересилило сон. День был таким насыщенным, что Дэн ни разу не залез в свой смартфон. Парень потянулся к тумбочке и провел по экрану старого, подержанного устройства. Он выменял его на городском базаре у туриста на два наконечника от стрел, которые нашел на берегу реки. Древние находки очень заинтересовали туриста, а у Дэна они все равно болтались в кармане без дела. Старенький смартфон работал медленно, но там было несколько игр, и еще иногда работал интернет.

Дед просил его не тратить средства без надобности и не торчать сутками в сети.

Парень ввел в поиске «полудница» и наугад открыл пару картинок. На одной он увидел старую гравюру, где над косарем, сморенным жарой, склонилась девушка в сарафане и венке из ромашек. Косарь уронил голову на грудь, а она развела над ним густые волосы.

На второй картинке на парня уставилось уродливое лицо с высоким лбом и темными глазницами. Белое легкое платье было порвано, худые плечи обтянуты серой кожей. Она стояла посреди ржаного поля и ждала. Не его ли?

Дэн поспешно выключил экран, отложил смартфон в сторону и закинул руки за голову.

Он лежал в темноте и думал о том, что это не так уж плохо, если к тебе приходит пышущая жаром красивая русая женщина с васильковыми глазами в белом полупрозрачном платье. Но тут же вспомнил вторую картинку, сильный ожог на ноге, поморщился и перевернулся на бок. В комнате забыли проветрить. Душно. Он с головой закрылся простыней, спрятался от всего мира.

Ему казалось, что скоро произойдет что-то страшное, но одновременно радовала мысль о том, что, может быть, привычный уклад жизни от этого изменится.

Мысли начали путаться, перед глазами поплыли оранжевые круги...

...На него смотрели тысячи глаз. Сотни зрителей собрал на своих склонах Великий курган – курган Скачек. У подножья толпились попрошайки, хромые и собаки. Между ними с криками носились дети. Солнце заливало широкую равнину, сплошь истоптанную конскими копытами.

У родника, бывшего неподалеку, мельтешили черпальщики. Они наполняли глиняные сосуды с лямками, которые на-

девались на спину, после чего поднимались вверх по склону. Один продавец воды наклонял сосуд, а другой садился на колени, терпеливо ожидая, когда первый наполнит протянутые чаши. За воду платили фруктами и сыром, иногда бронзой.

Ближе к вершине кургана смуглые красивые женщины поблескивали золотыми браслетами и серьгами в ушах и носу.

Свет отражался от узорчатых копий воинов, от рукояток коротких обоюдоострых мечей, украшенных драгоценными камнями.

Бойцы стерегли на вершине Вождя.

Пахло навозом, уксусом и лошадьми. Наездники покривали на животных. Порой налетал ветер, сдувая знойный застоявшийся воздух и принося с собой запахи полевых трав и цветов. Гул тысячи голосов не смолкал ни на минуту.

Парень подошел к своему гнедому скакуну. Лоснящиеся бока коня поблескивали на солнце и отливали медью. Ноздри с силой выдували воздух. Он покосился на хозяина, и с края глаза полумесяцем обозначился белок.

Парень не знал, почему выбрал этого коня и почему считал его своим. Он коснулся черной гривы, конь потоптался, разбрасывая песок копытами, и немного успокоился.

Звон тарелок и деревянных трещоток донесся со стороны кургана. Конь снова разволновался. Парень легко запрыгнул ему на спину, как будто делал так уже тысячу раз, и сжал коленями бока гнедого. Скакун затанцевал под ним. Не было ни седла, ни уздечки. Только крепкие ноги, обхватившие

круп, и пальцы, вцепившиеся в густую гриву.

Сильно хотелось пить. Язык прошелся по шершавому небу и сухим губам. Глаза искали родник, но толпа загораживала обзор.

Вдруг звуки стихли.

Камень с привязанной пестрой лентой взлетел высоко в воздух. Когда он упал в пыль, парень со всей силы ударил коня пятками. Он услышал топот копыт со всех сторон. Оглянулся и почувствовал азарт гонки.

Кони поднимали облако пыли. Толпа зевак рычала, голосила, издавая странные гортанные звуки.

В небе пылал желтый круг. На вершине кургана что-то блеснуло.

«Кубок в руках Вождя с головой серебряного жеребца» – откуда-то парень это знал, но откуда – не помнил. Вождь пьет горький напиток из полыни и других секретных трав и смотрит на мир глазами духов. Победитель скачек отведаёт из его кубка и познаёт блаженство. Нужно только крепче держаться.

Гнедой приближался к Великому кургану. Среди толпы парень разглядел белое пятно. Он не хотел смотреть на него, но глаза невольно остановились на медленно плывущей фигуре.

Это была *она* – возникшая то ли из марева, то ли отделившаяся от самого солнца, – *она* проходила мимо людей, а те вытирали мокрые лбы и жадно пили из мисок.

Конь проскакал шагах в семи от *нее*. Парень пригнулся к шее гнедого, в ушах зазвенело, голова сильно закружилась. Он уже не видел, куда скачет, только бы подальше от слепящей фигуры.

Скоро глаза снова различили горизонт. Перед ним больше не раскачивались спины других наездников – значит, гнедой шел впереди.

Его конь привычно скакал по кругу. Скоро он снова проскачет мимо Великого кургана. Страх сжал сердце парня. Он дергал коня за гриву, но тот не слушался его.

На втором круге *она* стояла совсем близко. У ног *ее*, жадно вдыхая воздух, как выброшенная на берег рыба, лежал нищий и корчился, загребая пальцами песок.

Никто из зрителей, кажется, не видел *ее*.

Парень зажмурился, но даже сквозь закрытые веки в глаза проник яркий свет, исходивший от *ее* тела. Его лицо обдало жаром. Он большим усилием удержался на коне, хоть и весь дрожал.

Пред глазами все расплывалось. Равнина превратилась в огромное облако пыли. На зубах скрипел песок. Горло так драло от жажды, что парень начал задыхаться.

Новый круг...

Он думал, что снова встретит *ее* у кургана. Но *она* уже плыла навстречу, и вслед за *ней* приближалось солнце. Как зной, струились волосы, кожа на обнаженных руках белела, будто раскаленное железо, а глаза – синие ледяные глаза

– гипнотизировали, не позволяя разглядеть лицо. Не глаза – два ключа с холодной водой. Парень хотел пить, но чем стремительнее он приближался, тем нестерпимей становился жар. Синие глаза в ореоле света. Жажда. Водянистые глаза...

Он зажмурился. Перестали существовать зрители, исчез Вождь с серебряным кубком, воины, загорелые женщины в золоте, исчез Великий курган. Остался только нестерпимо яркий свет.

В ноздри ворвался запах горелых волос, кожу на руках будто обдало кипятком, и на ней сразу же набухли волдыри. Наездник сжался, завыл.

Яркий свет разгорелся, заплясал под веками миллионами искр и погас.

Парень открыл глаза и обернулся. *Она* стояла к нему спиной, не двигаясь. Светлые волосы до пояса даже не шелохнулись, точно наездник с конем прошли сквозь *нее*, как сквозь облако.

Снова послышалось пение и крики толпы. Великий курган выплыл верблюжьим горбом из песчаного облака. Парень опустил глаза и охнул...

Гнедой скакун под ним горел, языки пламени играли на боках и морде, ползли к ногам наездника. Густая грива превратилась в черный удушливый дым. Конь убыстрился, казалось, что огонь ему не помеха.

Парень закричал. Он хотел соскочить с коня, но не мог

– под копытами дрожала земля. Огонь подбирался к ногам, лизал голые стопы. Наездник захлебнулся в крике. Небо потемнело, а может, потемнело в глазах от боли. По черному полотну пробежала искрящаяся трещина. Грохнуло, словно кто-то швырнул о землю железнодорожный состав...

Дэн сел на кровати, весь взмокший. В ушах еще шумело, скрежетало железо. Он смутно видел фигуру деда у двери возле выключателя. Свет лампочки беспощадно терзал глаза.

– Выключи! Выключи!

– Хорошо, хорошо! – дед нажал на кнопку.

– Зачем? Зачем ты включил свет?

– Что мне оставалось? Ты кричал во сне, как будто тебя убивают.

Дэн полежал в темноте. Повздыхал. Проверил руки и ноги – никаких ожогов не было.

– Дед!

– Что?

– Ты еще тут?

– Ну, а кто тебе отвечает?

– Скажи, я на коне скакал?

– Скакал, тебе тогда лет девять было...

– Дед! Я про сегодня.

– Про сегодня... При мне не скакал.

Дэн услышал, как старик почесался, засопел.

– Я тоже скверно спал.

– Значит, это был сон. Уфф... – парень потер лицо, быстро отнял руки. – А тракторист? Мертвый...

– Это не сон.

– А тетка в белом – или пятно – это светящееся? Было?

– Наверное, да. Я сам уже не понимаю.

За приоткрытым окном, надрываясь, стрекотали цикады. Подул ветерок, но облегчения не принес.

Глава 6

Ночь

Дом располагался возле глубокого, заросшего кустарником и деревьями, оврага.

В низине когда-то текла речка. Теперь никто не спускался по крутой тропинке вниз за водой, и она медленно зарастала травой.

Елена вышла на крыльцо. У входа горели два фонаря, и большие южные мотыльки вились вокруг них, ударяясь о стекло.

К двум часам ночи воздух стал чуть прохладней, дышалось легко.

Елена собрала непослушные волосы в хвост и перекинула его через плечо. Она вышла из дома в том виде, в каком заснула, – в одной ночной рубашке. Ей приснилось, что с Илием случилось что-то плохое. Она проснулась, провела рукой по простыне и не нашла его.

Елена знала, что в последнее время он мучается бессонницей и выходит на улицу. Но все-таки решила проверить – все ли в порядке?

Луна, огромная, с рыжим отливом, освещала двор и лужайку.

Елена увидела широкую спину мужа. Он стоял у края

оврага, опираясь плечом о ствол изогнутой ивы, и смотрел в небо. На фоне черного полотна, густо усеянного звездами, его фигура казалась загадочной и неземной.

Он услышал ее шаги, обернулся, но ничего не сказал. Елена подошла, также оперлась плечом о ствол дерева и стала рассматривать его лицо. Оно оставалось серьезным и задумчивым. При свете луны в коротких волосах она разглядела седые ниточки.

Елена помнила Илия еще студентом медицинской академии. Время не слепило из ее мужа нового человека, не изменило привычный облик, но как это часто бывает на заключительном этапе работы скульптора, нанесло точные и запоминающиеся штрихи на его лицо. Годы углубили продольную складку между бровей, весело, как прутиком по песку, чиркнули возле наружных уголков глаз, приспустили, как штору, левое веко. Теперь от его взгляда ей становилось спокойно, смешно и одновременно грустно. Вся история человека, вся сложная судьба в одном приспущенном веке...

Время коснулось не только внешности Илия, но и его характера. Ямы души углубились, вершины стали острей.

Может, и он видит в ней все эти перемены? Плавную кисть времени, которую сама она едва замечает, как вампир, решивший нанести румяна у зеркала и не нашедший там своего отражения.

- Что? – спросил Илий. – У меня на носу вырос кактус?
- Пока нет, но побриться не помешает.

Он улыбнулся. И на секунду кропотливый труд времени, опыта, старости сошел на нет, разрешив юности ненадолго расцвести на усталом лице.

– С тобой крепче спится, – зевнула Елена в ладошку.

Илий нежно провел шершавой рукой по ее щеке, крепко обнял.

Она протянула руки, прижалась к нему, положила голову на грудь. Не видела, но почувствовала, что он улыбается.

– Операция сегодня была сложная?

– Самая обычная операция, – ответил он.

– Тебе тяжело вспоминать... ну... как ее делать, разные тонкости?

– Не очень. Я даже удивился, что ничего не забыл.

– Ты помог той старушке?

– Кажется, да.

– Это хорошо. Очень хорошо, что ты помог. Можно ложиться спать с чистой совестью. Правда?

Он кивнул. Но ведь не ложится, думает о чем-то. О чем?

Елена посмотрела через его плечо в темноту оврага.

Здесь, на вершине – самое живописное место на их участке. Когда они покупали тут землю с домом, этот овраг показался им приятным дополнением. В те времена в низине еще текла речка, и они не знали, что нужно будет выращивать себе на пропитание овощи.

Теперь именно овраг мешал разбить поле возле их дома. Илию приходилось ездить на машине каждое утро, чтобы

следить за урожаем.

Это овраг во всем виноват...

– Не уезжай завтра в поле, отдохни.

– Ты же знаешь, что нельзя. Такая жара. Все погибнет.

Она знала и все-таки сказала:

– Ты не взял новый контракт, чтобы восстановиться и прийти в себя. А теперь работаешь в поле вдвое больше, чем на службе.

– Это так кажется. В поле легче, чем в лазарете. К тому же по вечерам я дома.

Елена ничего не ответила, еще крепче прижалась к нему. Она хотела спросить, из-за чего он не может заснуть, но почему-то боялась. Боялась молчания, а не ответа. Хотя, если подумать, многозначительная тишина тоже своего рода ответ, любимый ответ ее мужа на вопросы о событиях прошлого.

– Какое небо... Никогда не видела, чтобы звезды так светили.

– Лена, – неожиданно позвал он.

– Что?

– Я не хочу тебя пугать, но сегодня мы видели нечто странное по дороге домой.

– Солнечный блик, о котором говорил Дэн?

– Это был не просто солнечный блик.

– Что же это было?

– Я не знаю. Ты ведь в курсе, я не суеверный и много всего

повидал. Но я не знаю.

– Люди вообще ничего до конца не знают, – она зевнула. – Забираются на край света и живут в своем собственном уголке.

– Это ты о нас?

– И о нас тоже. Я беспокоюсь, Илюша. Ходят разные слухи о местных военных.

– Что говорят?

– Что видели вооруженных солдат.

– Соседки? Это от них ты слышала?

– Не только. Интернет, но все неофициально: в случайных интервью и на форумах. Что, если будет война?

– Она всегда где-нибудь есть, – проговорил Илий устало. – Почему мы должны быть исключением?

– Не говори так! – она шлепнула его ладонью по груди и снова прижалась щекой. – Неужели ты не боишься?

– Сложно бояться того, к чему привык.

– Разве к войне можно привыкнуть?

– К сожалению, да. И больше всего устаешь от того, к чему привык.

– Тебе что, все равно, начнется война рядом с нашим домом или нет?

Она немного злилась, сама не знала на что.

Муж глубоко вдохнул ночной воздух.

– Не начнется. Мы от нее убежали очень далеко. В поселок под названием Мирный. В Мирном не бывает войны.

Они помолчали. Из оврага веяло прохладой тайной и тишиной. Не хотелось уходить с улицы в духоту дома.

– Скорее всего, я так волнуюсь, – пробурчала Елена, – потому что должна ехать в город одна.

– Ты думаешь, все-таки...

– Почти уверена.

– Не представляю, как мы справимся с тремя. Но это хорошо, все равно хорошо.

– Может быть, мне остаться? Как тебе больница в Приречье?

– Ужасно. Но один толковый врач там есть. Пожалуй, тебе придется поехать в город. К хорошему гинекологу. И тетя о тебе позаботится.

– Может быть, мне забрать малышей?

– Не переживай. Я справлюсь. Оставался ведь уже с ними один.

– Конечно, вам помогут соседки, я попрошу. Но ты еще едешь на поле, в эдакую даль... Я особенно переживаю за Зарину – она еще такая малышка. Нужно купить ей мазь для кожи...

Она говорила и говорила, пока Илий не положил свою широкую ладонь ей на рот.

– Это всего на три дня. Но я буду скучать...

Он поцеловал ей веки. Она обвила руками шею мужа, ласково провела пальцами по коротким волосам на затылке, игриво взглянула, встала на цыпочки и, касаясь уха, прошеп-

тала:

– Я знаю хороший способ, как тебя усыпить.

Судя по тому, как ожили его руки, он понял намек правильно.

– Идем.

Скоро, закрыв глаза и прижавшись к мужу, ощущая знакомый запах его тела и тепло, Елена забыла и о военной угрозе, и о других тревогах.

Прошрое отступило. Время сжалось в единую точку, крохотный заряд, – существовало только Здесь и Сейчас. А потом заряд детонировал, вселенная разбухла, расширилась, расплзлась, и в ней мириадами звезд засветило будущее.

Они долго лежали, не двигаясь, на кровати. Елена повернула голову – Илий спал.

От него веяло прохладой, тайной и тишиной.

Глава 7

Прощание

Следующий день прошел в сборах. Елену мотало, как матрик. Собраться в дорогу, когда рядом двое маленьких детей, было равносильно вдеванию толстой распушившейся нитки в ушко иголки.

Как только она начинала укладывать одежду в сумку, из комнаты слышался вой или плач, что-нибудь с грохотом падало на пол или подозрительно громко звенело.

Пока она ходила разбираться, кто прав, кто виноват, часть одежды была уже разбросана или потеряна.

В такие минуты ей очень не хватало Илия. Но он с самого утра был в поле. Она понимала, что так нужно, и все же это ее раздражало.

К полудню она едва успела собрать одежду, оставались еще медикаменты, подарки родственникам, косметика и предметы гигиены.

В дверь кто-то настойчиво постучал. Елена стояла на высоком стуле и копалась в верхних ящиках шкафа. Пока она спускалась, стук повторился.

Распахнув дверь, она увидела запыхавшегося Дэна. Вид у него был напуганным, лицо бледным, несмотря на жару.

– Что случилось?

– Библиотека... Деду... Уф! Дедушкина библиотека горит. Нужна помощь. Нужны все! Где Илий?

– Он в поле. Должен вернуться. Пожарных вызвали?

– Да, но их еще нет... Ну почему?! – выкрикнул парень и рванул по улице, ругаясь грязно и неумело, как умеют только подростки.

Елена быстро отвела детей к пожилой соседке, схватила ведра и выбежала во двор. Вдалеке раздавался высокий крик Дэна: «Пожар! Всем тушить пожар!»

За верхушками деревьев уже поднимался густой столб дыма.

Пожарный водоем находился далеко. Команда случайных добровольцев состояла из двух женщин, хромого старика и самого Азима – он был похож на огнедышащего дракона, который разучился пользоваться струей пламени. Намокшая одежда вся в саже. По смуглому лицу градом катится пот. Он метался с ведрами на фоне огромного костра и чем больше выплескивал в пламя, тем сильнее разгорался огонь, словно в ведрах был бензин, а не вода.

Скоро занялась крыша. Удушливый дым и жар не давали возможности приблизиться к зданию библиотеки. Искры, вылетающие из чернеющих рам, жалили, как осы. Со звоном лопнули стекла и посыпались на землю.

Елена хотела бежать за водой, но теперь это было бессмысленно, к тому же она с недавнего времени побаивалась

таскать тяжести. Она стояла, неосознанно положив одну руку на живот, а другой прикрыв рот.

Вернулся Дэн. Он привел еще нескольких парней с пустыми ведрами и женщину с бидоном. Они бежали очень бодро, но увидев, во что превратилась библиотека, как-то сразу приуныли.

Неподалеку остановилась машина, и Елена узнала джип мужа. Илий выскочил и очень резво кинулся с ведрами к пожарному водоему. Остальные, вдохновленные его примером, тоже принялись за работу. Но со стороны ей было видно, что даже профессиональный пожарный расчет не сможет ничего спасти в таком мощном пожаре.

Одна стена с треском обвалилась, и под ней открылись раскаленные жилы. Золотой сноп искр рассыпался в воздухе веером. Красные угли зло глядели из-за черных досок.

Огонь неистово ревел, и в небо улетали страницы старых книг. Над пожаром повисло облако пепла.

Один листок взлетел над дорогой, как подпаленный мотылек, и приземлился возле ног Елены. «Волшебник изумрудного го...» – успела она прочесть на обгорелом титуле. Страница перевернулась – картинка запестрила красным: хитрые мыши везли через маковое поле усыпленного волшебными цветами льва. Тлеющие искорки бегали по обгоревшему краю листа.

Когда абсолютно всем стало ясно, что библиотеку не спасти, приехали пожарные. Густая пена залила черные балки

и выщербленные кирпичи. Из входной двери полились мутные потоки воды, грязи и пепла.

На пригорке, сгорбившись, сидел изможденный Азим и смотрел на работу пожарных. Рядом с ним покоилась стопка книг, которые он, видимо, с отцовской любовью успел спасти от огня.

Елена подошла к нему, присела на корточки, погладила по спине. Рубашку хоть выжимай! Азим вздрогнул, повернул к ней испачканное сажей лицо и через силу улыбнулся.

– Сюда все равно никто не ходил! – прокричал он сквозь шум насоса и льющейся воды.

– Мой муж ходил... И я иногда, – ответила Елена, обнимая его за плечи.

Вернулись запыхавшиеся Илий и Дэн, сели рядом на траву.

– Мы построим новую, деда! Не горюй! – заявил парень, взглядываясь в лицо Азима.

– И будем приносить вам книги, которые уже прочитали, – добавила Елена. – А что, отличная идея. С дому по книге. Понемногу у вас соберется новая библиотека.

Азим улыбнулся, на этот раз немного живее.

– Если бы в этом был толк. Главное, чтобы приходили люди. Книги ничего не стоят, пока стоят на полках.

– Люди придут, – отрезал Дэн. – Как только построим новую. У нас ведь тут жуть как любят новшества.

Они помолчали. Им вдруг показалось, что выход обяза-

тельно найдется. Что этот пожар – начало, а не конец.

Пожарные вырубали насос, дав передышку слуху.

– Книжки жалко, – тихо добавил Илий. – Были ведь такие, которые больше не издают. А я, признаюсь, все думал, что время еще есть: скоро зайду к вам за статьями. В следующий раз не буду ждать у моря погоды.

– Не ждите, – ответил библиотекарь.

Доктор загадочно посмотрел на Азима и спросил:

– А теперь скажите, почему это случилось?

Староста ответил Илию таким же таинственным взглядом, и они, казалось, какое-то время думали об одном и том же. Потом Азим покрутил головой:

– Нет. Нет. На этот раз все просто. Без всяких мифов. Видите, ту сосну под проводами? Я уже пять раз звонил рабочим, чтобы срезали верхушку. А они только кормили меня обещаниями. Сегодня ветер был чуть сильнее – ветка задела провод, и на кучу сухой травы упала искра. Такое уже случилось, я видел, как провод искрил. Меня не было на месте, когда начался пожар. Данила заметил дым, а когда мы оказались возле библиотеки, уже горела западная стена.

– Вы уверены?

– Уверен. Там виден след, по которому шел огонь.

– След? – переспросил Илий.

Азим вздохнул:

– Ничего такого. Поверьте мне, на этот раз мы имеем дело с простой безалаберностью. Причем с моей стороны тоже. Я

еще две недели назад хотел убрать эту кучу сена, и все руки не доходили. Да еще эта сушь...

Елена не до конца понимала, о чем они говорят. Она поднялась и предложила:

– Приходите к нам сегодня вечером. Вместе мы что-нибудь придумаем.

Азим ласково посмотрел на нее:

– Спасибо. Вы что, изучили обычаи адыгов?

– Какие обычаи?

– В одной народной песне есть такие слова: «Ты один не поднимешь бревно, а для всех как пушинка оно...». Это наш главный обычай: приходить на помощь тем, кто живет рядом с тобой.

– В таком случае да, – улыбнулась Елена. – Мы изучили ваши обычаи.

После всего случившегося она не могла заставить себя собирать вещи.

– Как я уеду, когда здесь творится такое?

– Все уже позади, – Илий сидел на полу, дети по очереди забирались к нему на спину, сползали вниз и хохотали. – Пожар случился рядом с нами, но никто не пострадал. Ты же знаешь, снаряд не бьет дважды в одну воронку.

– Да-да. В поселке с названием Мирный ничего не может произойти.

Илий поднял брови.

– Я только сказал, что тут не бывает войны. Но пожар в жару может возникнуть где угодно.

– О чем вы говорили с Азимом? Опять об этом солнечном блике?

– Не бери в голову.

– Что вы там видели?

– Мираж. Игру света. Непонятное природное явление. Мало ли что... Для мозга нет ничего хуже перегрева.

Елена села на стул возле раскрытых сумок, опустила голову на согнутые руки. Ее лицо скрылось за пологом распущенных волос.

Какое-то женское чутье заставляло ее задержаться на пару дней, но любопытство побеждало. Стоило положить пальцы на живот и прислушаться, как нечто новое чувствовалось в глубине ее тела. Кажется? Или так оно и есть?.. Значит, нужно ехать. Ехать сейчас, чтобы узнать точно.

Дети не прекращали игру, носились друг за другом вокруг дивана. Илий бесшумно сел рядом с женой, обнял ее колени:

– Всего три дня. А тебе нужно убедиться, что со здоровьем все в порядке. Дети со мной не пропадут.

– Я и не сомневаюсь.

– Ну, вот и хорошо.

Вечером в дом пришли Дэн с дедушкой. Азим, умытый и переодетый в чистую рубашку, выглядел так, словно никакого пожара и не было.

– Я уже звонил в муниципалитет, и мне пообещали, что библиотеку восстановят, – заявил он, сияя, когда они окончили ужин.

– Тебе, деда, как будто десять лет, – хмыкнул Дэн, жуя арбуз. – Неужели ты им поверил? Они тебе уже два года обещают прислать новые книги и диски.

– Правда, Азим, не обольщайтесь, – согласилась Елена.

– Я не обольщаюсь. Если что, мне помогут простые люди. Такой обычай – помогать погорельцам. Об этом знают все.

Все промолчали. Даже Дэн решил не говорить, что в поселке остро не хватает работоспособных мужчин. Не хотелось думать о плохом. Может, и отстроят когда-нибудь новую библиотеку, и Азим будет счастлив.

– Вы не погостите у нас несколько дней? – спросила Елена. – Муж остается один с детьми. Конечно, помогут соседки, но у них есть свои заботы. Если вы не слишком заняты...

– Нет, почти не заняты! Библиотеку точно не начнут строить завтра. В пожарище искать нечего. А на поле осталась одна картошка. Что с ней станется? К тому же, – он пощекотал пальцем Гошу за ухом, отчего мальчишка, который Азима очень любил, захихикал и склонил голову к плечу, – я обожаю таких малышей! Эх, помню, и ты, Данилка, был таким же карапузом! И болтал без остановки на своем карапузьем языке.

– Я и сейчас не из молчунов, – заявил парень и выплюнул арбузную косточку.

– Спасибо. Вы нам сильно поможете.

– Еще неизвестно, кто кому помогает, – ухмыльнулся Азим. – Страх как тоскливо сейчас сидеть дома. На работе хоть возьмешь книгу какую, полистаешь. А что, доктор не против нашего визита?

– Доктор не против, – ответил Илий. – Он только «за».

Они проводили Елену до машины. Попрощались без лишних слов, но в количестве объятий и поцелуев себя не ограничивали.

Она видела, как Зарина сидит у папы на руках и неуверенно машет ручкой. Видела, как Гоша выпятил нижнюю губу, театрально дуясь.

Она уезжала ненадолго и повторяла себе, что нужно успокоиться. Дети легче перенесут разлуку, если мама перестанет волноваться по пустякам. Но глаза ее, женские коварные глаза, глядящие на дорогу, не соглашались. Они отвечали на все ее уговоры теплой влагой. Туманно намекали: ты совершаешь ошибку, еще не поздно, поверни назад.

Пальцы поправили дело, как дворники на лобовом стекле, расчистили обзор. Серебряная ленточка дороги петляла между холмов. Луна пухлым светляком моталась то вправо, то влево.

Если бы Елена знала, какие у нее прозорливые глаза...

Глава 8

Мифы

Азим с удовольствием гостил у доктора в доме. Маленькие дети радовали старика, он любил играть с ними и шутить.

Утром Илий уезжал работать в поле, в дом приходили соседки, приносили молоко, овощи, иногда заходили, чтобы просто поглядеть на детей, – в поселке жило не так уж много малышей.

Женщины неторопливо беседовали с Азимом, вспоминали подробности пожара, причитали, охали. Староста молча кивал – он уже примирился с мыслью, что библиотеки больше нет, и только думал, чем ему теперь заниматься.

Дэн полдня пропадал неизвестно где, хотя обещал помогать с детьми.

Вернувшись, он привез банку свежей вишни и угостил всех.

Азим был рад, что не нужно выходить на улицу. Жара еще больше усилилась, и уже многие в поселке отлеживались в полдень.

И тем более Азим удивлялся выносливости доктора. Тот возвращался с поля и находил в себе силы готовить на всех нехитрый обед, возиться с детьми, заниматься уборкой.

Азим готовил ужасно и ничего не мог с этим поделать. Данила постоянно ворчал, пробуя его стряпню, – сам парень, конечно, не готовил. Илий же оказался на удивление хорошим поваром. Они наслаждались обедом в тишине, уложив детей спать.

– Не помню, чтобы когда-то ел такую вкусную говядину! – удивлялся Азим. – Что вы сюда добавили?

– Чернослив и немного специй.

– Объедение. Данила, как тебе?

– Мясо как мясо.

– Дурья ты башка! Ничего не понимаешь! Тебе лишь бы желудок чипсами набить.

– А чего ты сразу ругаешься, дед? Ну, не люблю я всякий там чернослив – и что?

– Да ничего. Ешь и молчи. Дай насладиться вкусом. Где, Илий, вы научились готовить?

– Так, – замялся доктор. – Было много свободного времени, пока ждали боев. Полевой повар, грек, научил. Вообще я на кухне редко, Азим. Руки не доходят.

– А жаль. Вы могли бы освоить новую профессию.

Скоро они отложили вилки, из-за жары совсем не хотелось есть, и даже вкусное мясо осталось на блюде.

Азим порывлся в сумке под столом. Извлек оттуда толстую книгу, надел очки и принялся что-то искать в ней, слюнявя палец и переворачивая страницу за страницей.

– Что вы читаете? – спросил доктор.

– Не читаю, ищу то, что уже прочитал. Вам будет интересно. Тебе тоже, Дэн.

– Ну конечно... – проворчал пареньь.

Азим шикнул на него и объяснил:

– Когда начался пожар, я смог вынести всего стопку книг. Среди них, к счастью, оказался мифологический словарь. Помните, старуха кричала: «Полудница»? Мне так врезалось в память это слово, что я решил посмотреть, что оно значит.

Доктор откинулся на стуле, вытер салфеткой рот. Дэн тяжело вздохнул.

– К тому же, – продолжал Азим, – мы могли бы больше узнать о том... хм-м-м... странном явлении, которое видели у дороги. Вам интересно?

Доктор задумчиво поглядел в окно.

– С одной стороны, да, с другой, я бы предпочел не давать никаких объяснений. Столкнувшись с чем-то невероятным, наше воображение может приписать этому невероятному неверные свойства.

– Подумаешь! – перебил Дэн. – Читай, дед. Что там известно про этих тварей?

Азим кашлянул и продекламовал:

– «Полудницы, или ржаницы – в славянской мифологии полевые духи, в частности воплощение солнечного удара. Полудницу представляли в виде девушки в белом платье с длинными волосами или косматой старухи, появляющейся в поле (обычно во ржи) и преследующей тех, кто работает. Она

может свернуть шею, напугать ребенка, забравшегося в огород. Если встретишь полудницу в полдень, она загадывает загадки. Если не разгадаешь – защекочет до полусмерти...»

– Ну вот! Пошли сказки! – перебил разочарованно Дэн.

– Дай закончить! – рассердился Азим. – «Иногда в народных верованиях образ полудницы сливается с образом русалки».

– Ясно, – сказал доктор и коротко улыбнулся. – Русалки. Загадки. Щекотка. И детям нельзя лазить по чужим огородам. Все понятно. Фантазия делает необъяснимые вещи не такими страшными.

– Что же, доктор, вы во все это не верите? Не удивительно. Ну, а во что же вы верите?

– В то, что мозг не до конца изучен. В то, что разум способен получать искаженную информацию. В то, что далеко не все известно человечеству и описано наукой.

– В таком случае вы верите в полудниц, – вставил Дэн и засмеялся своей шутке. – По-вашему, это она защекотала того беднягу в тракторе?

– Во-первых, она не приближалась к трактору. Она растворилась в воздухе или провалилась под землю, не знаю...

Во-вторых, называйте хоть полудницей, хоть ржаницей, а суть одна: мы понятия не имеем, что видели. И у нас даже нет доказательств, что мы видели живое существо. Предлагаю закончить этот разговор, пока мы не создали еще один миф.

– Вижу, Илий, вы материалист. Это понятно, с вашей про-

фессией... – Азим неловко кашлянул. – Но меня не может удовлетворить то, что вы предлагаете. Не обижайтесь. Мы не решим проблему, отказавшись от нее. Нужно понять, какую область знаний применить, изучая «необычное явление». И потом, я просто от природы любопытен. Мне требуется ответ – кого мы встретили на дороге?

Доктор поднялся, подошел к окну:

– Ваше право, Азим.

– Вы считаете это баловством?

– Не знаю. Я не раз говорил после операции с людьми, которые были одной ногой на том свете. Они описывали все эти темные туннели с ярким светом в конце или странные видения. Было ли это действием наркоза или каким-то духовным миром, я не берусь судить, потому что сам никогда не сталкивался с подобным. Знаете, как на уроке географии: учитель рассказывает тебе об Африке, а ты понятия не имеешь, какая она на самом деле, пока не съездишь туда.

Дэн вскочил:

– Но мы-то ведь сталкивались с подобным! Мы видели, что на дороге было нечто! Супер-пупер из ряда вон!

Доктор вздохнул:

– Хорошо-хорошо. Допустим. Я просто хочу предупредить вас. Некоторые мои пациенты серьезно повредили своей психике подобным любопытством.

Библиотекарь кивнул:

– Понимаю. Потому на сегодня, пожалуй, хватит.

Азим уже забыл, как тяжело бывает с детьми. Пока он отвлекал одного ребенка, другой уже пытался засунуть что-нибудь в розетку либо молоко из кружки оказывалось вылитым на пол.

Тем интереснее было наблюдать за доктором, в котором терпеливость всегда боролась с раздражением из-за физической усталости и, как правило, побеждала.

Дети, особенно маленькая Зарина, были сильно привязаны к отцу и ждали его возвращения, как праздника.

Вечером Азим наблюдал такую картину: Зарина сильно испугалась паука-сенокосца с тонкими длинными ногами. Она плакала, и никто не мог успокоить ее, пока не пришел Илий. Он поднял ее высоко на руках и сказал, что никому не даст в обиду. Он сказал это с такой уверенностью и силой, что двухлетняя девочка, открыв ротик, перестала плакать и закивала.

Старику приятно было смотреть, как маленькая дочка нежно обнимает отца ручками за шею и трется носом о его щеку. Глядя на них, он вспоминал, как нянчил свою дочь. Где она теперь? Никто не знает.

Незаметно прошли два дня, Елена должна была вернуться в воскресенье. В субботу вечером Азим попрощался с доктором:

– Завтра с утра мне нужно сгонять в Приречье. Знакомый

депутат обещал помочь с восстановлением библиотеки. Так что на мою помощь утром не рассчитывайте.

– Добро, – сказал доктор, – вы и так мне здорово помогли.

Накануне Илий говорил о том, что у них заканчиваются продукты. В выходные дни местный магазин не работал. Азим знал, как сложно будет доктору добираться с двумя детьми своим ходом в поле или в Приречье, в ближайший супермаркет, поэтому он предложил выкопать несколько кустов картошки на своем поле и взять еще помидоров и огурцов. В отличие от Илия, у которого на участке располагались только овраг, сарай и лужайка, у Азима рядом с домом можно было собрать небольшой урожай.

Доктор вежливо отказывался, но не слишком усердно, так что Азим убедил его взять себе овощей столько, сколько нужно. С детьми обещала посидеть соседка. Сделав все, что было в его силах, Азим отправился ночевать домой. Дэн остался у доктора. Парень говорил, что дома ему снятся дурные сны.

Что ж, юношу можно понять – ему здесь скучно. А Илий ему вроде отца.

Азим шел по пустой дороге домой, напевал и видел над дубовой рощей луну – ржавую, почти кровавую. Казалось, что она раскалилась за день и не может остыть.

Он вернулся в пустой дом, завел будильник и лег спать. В отличие от внука, Азим видел дома только приятные сны.

Глава 9

Погоня

Может быть, работа в поле и была проще, чем многочасовая смена в операционной, но забота о двух маленьких детях не уступала по тяжести работе хирурга.

Утром доктор с ног сбился, усаживая детей за завтрак. Он не раз вспомнил Елену и ждал ее приезда, как избавления. Работа на дальнем поле сегодня отменялась.

Сразу после завтрака, пока солнце не стало лютым, Илий намеревался пойти на огород к Азиму, но соседка, обещавшая посидеть с детьми, слегла с высоким давлением, и ему пришлось придумывать новый план.

У Зарины резался зуб. Сонная и капризная, она наотрез отказалась выходить из дома. Гоша, как будто специально, расшалился и пытался досадить сестре.

Глядя на всю эту суматоху, Дэн сжалился и предложил доктору покатать мальчика на велосипеде, пока тот приводит в чувство Зарину. Илий дал добро, но с условием, что они вернуться не позднее одиннадцати часов.

Отец попробовал уложить девочку в кровать и сам чуть не уснул рядом. Очнувшись от дремоты, Илий увидел, что Зарина спит. Через час она проснулась в хорошем настроении и попросила сока.

Нужно было идти на картофельное поле, а Дэн все не возвращался. Илий выходил из дома и смотрел вдаль. На душе кошки скребли.

В половине двенадцатого на горизонте что-то сверкнуло, и спустя минуту доктор разглядел на дороге велосипедиста в расплывающемся мареве.

– Почему так долго?

Дэн слез с седла, с шумом выдохнул.

– Так, увлеклись...

Гоша, довольный, болтал ножками, сидя на багажнике. Козырек кепки закрывал его глаза, но Илий видел улыбку и ямочки на щеках.

– Где это вы были? – спросил он, почуяв неладное.

– Везде понемногу...

Такой ответ доктора не удовлетворил.

– Что ты видел? – обратился он прямо к Гоше.

Мальчик широко раскинул руки:

– Вот такой красный дом.

Илий молча развернулся к Дэну, тот сделал вид, что регулирует высоту руля на велосипеде.

– Из кирпича?

– Из кирпича! – радостно воскликнул Гоша. – Там живут страшные людоеды!

– А разве я разрешал туда ездить?

Гоша задумался.

Илий снял его с багажника и легким толчком направил к

двери. Мальчик зашел внутрь, затем высунул нос:

– Пап!

– Что?

– Не ругай сильно Дэна.

– Я подумаю. Иди.

Дверь закрылась.

Парень сразу пошел в наступление:

– Мы не приближались близко! Просто посмотрели изда-
лека.

– Я просил быть в одиннадцать, – жестко оборвал доктор.

– Но оттуда ехать далеко!

– Еще бы! Ты что, не мог придумать другого места для
игр?

– А что тут такого, мы просто поглядели на них. Любо-
пытно же.

– Вы крутились возле дома, где живут больные туберку-
лезом! Ну и как? Что особенного ты хотел увидеть?

– Да ничего, – признался парень. – Выходят иногда и каш-
ляют. Никто туда не суется. Всякие слухи бродят, мол, эти
два брата и женщина живут от всех отдельно, потому что...

– Я слушать не хочу этого бреда, Дэн. Хочешь рисковать,
рискуй без моего сына. Я доверил тебе его, решив, что ты
дружишь с головой!

– Да я просто хотел его развлечь. Придумал сказку о лю-
доедах...

– Ему шесть! И ты повез его к дому, где живут туберку-

лезники! Ты знаешь, что открытая форма передается даже через предметы быта?

– Я хотел помочь! – парень вскочил на велосипед и с обидой посмотрел на доктора. – Я думал, *вам* нужна помощь!

Илий молча вздохнул, опустил голову.

Дэн сел на велосипед и, не оглядываясь, поехал.

– Куда ты?

– На речку, я запарился крутить педали и возить всякую малышню, ясно?

– Ясно.

Илий вернулся в дом и понял, что остался с детьми совсем один.

«Сам виноват, – подумал он, – доверил ребенка подростку».

Холодильник пустовал. Оставались только кусочек сливочного масла и немного рыбы. Картошка пришлась бы очень кстати. Конечно, продукты могла привезти Елена, но она возвратится поздно вечером.

Двадцать минут ушло на то, чтобы надеть на детей панамы, сандалии и вывести их на улицу. Солнце уже жарило всю – бетонная площадка перед домом слепила белизной.

Гален завилял хвостом и попросился с ними, но доктор не взял его – ему нужны обе руки, а пес без поводка может сбежать.

Илий попросил Гошу последить за сестрой и зашел в про-

хладную тень сарая. Садовые инструменты висели на стене, каждый на своем месте. Елена любила подшутить над мужем, мол, в сарае у него так же чисто, как в операционной. Он взял новенькую блестящую лопату – на ней ни царапин, ни пыли, ни комьев грязи. Старая, с ржавым погнутым лезвием, теперь выполняла роль столбика для бельевой веревки.

Доктор, насвистывая, вышел наружу и застыл, как вкопанный, – дети исчезли. Он окликнул их, быстро пересек двор. Обернулся и посмотрел на Галена – пес лежал совершенно спокойно и, заметив, что хозяин обратил на него внимание, забил хвостом.

– Бу!!!

Гоша выпрыгнул из-за куста смородины. Следом, хихикая и неуклюже переставляя ножки, выбежала Зарина.

Доктор выругался про себя. Постарался не хмуриться. Одной рукой взял лопату и пустое ведро, другой подхватил Зарину, а сыну велел встать рядом с сестрой и крепко держать ее за руку.

В таком «боевом» порядке они выдвинулись к полю.

Небо на востоке белело, как бывает в очень жаркие дни. В воздухе стоял душистый запах сена, высокую траву по краям дороги недавно скосил трактор – из-под срезанных колосьев вейника и луговой овсяницы выглядывала жесткая щетка сухих стеблей.

Большие изумрудные стрекозы зависали в воздухе и уле-

тали прочь. В тени дерева лежал худой короткошерстный кот. Он даже не пошевелился, когда семья прошла мимо. Только открыл один заплывший слезящийся глаз.

Илий старался двигаться по тени, которую давали растущие на обочинах деревья. Песчаная дорога напоминала шкуру ягуара, пестрила солнечными пятнами. Доктор в одной руке держал теплую, чуть влажную ладошку дочери, а в другой – тяжелый черенок лопаты. Он поймал себя на мысли, что в эту минуту, несмотря на страшную затянувшуюся жару и утомление, он очень счастлив. Дети рядом, они идут все вместе, а им навстречу распускается горячим цветком летний день.

Тут же Илий вспомнил про воду. Куда он положил ее? Кажется, в Гошин рюкзак. Для детей нет ничего страшнее обезвоживания. Оно наступает гораздо быстрее, чем у взрослых.

Хорошо, что Азим живет неподалеку, потому что ехать за продуктами в Приречье сейчас сродни самоубийству. Конечно, доктор мог бы обойтись и без еды – в жару совсем нет аппетита. Но, во-первых, он не один, а во-вторых, ему хорошо известно, что это обманчивое чувство: организму нужна еда и минеральные соли, особенно детям. Илий подумал, как туго ему придется, если они начнут отказываться от обеда.

Двор Азима был огражден забором только со стороны дороги. Перед домом росли яблони, за ним располагались грядки и картофельное поле, дальше буйно цвели луговые травы, переходя в небольшие рощицы кустарника. Луг медлен-

но уходил под склон и заканчивался неглубоким оврагом. В низине текла извилистая речка, по берегам которой густо росли деревья. По вечерам Азим любил отдыхать у воды, рыбачить или читать книги.

Рядом с домом раскинул крону высокий каштан. Он давал щедрую тень и закрывал от солнца половину дома.

Доктор отвел детей под дерево. Сел перед ними на корточки и сказал Гоше, выставив указательный палец:

– Из тени никуда не уходить. Не прятаться и не убежать. Я сейчас наберу картошки, и мы пойдем домой. Следи за сестрой. Ты понял?

Мальчик усердно закивал головой, закрыл рот ладошками, хитро посмотрел по сторонам и прыснул от смеха.

– Я серьезно, – Илий заговорил строже. – Я не шучу, Гоша. Остаешься за старшего.

Мальчик нахмурился, взял за руку сестренку и кивнул:

– Хорошо, папочка.

Илий не знал, какое им придумать дело. Он снял кепку и протянул мальчику.

– Собирайте сюда каштаны. Самые красивые, без вмятин. Дети обрадовались новой игре.

Илий взял лопату, ведро и пошел копать картошку.

На полпути он обернулся и крикнул:

– Из тени ни ногой.

Обгоревшая на шее кожа сразу начала зудеть. Илий собирался быстро выкопать несколько кустов и вернуться в тень,

но всего лишь пару раз копнув рыхлую землю, почувствовал, что футболка прилипла к спине, а по скуле бежит струйка пота.

Собственные движения казались ему медленными и ленивыми. Он копнул глубже и наткнулся на небольшой камень. Целую вечность пришлось доставать его из земли. Наконец первые клубни картофеля с глухим звоном упали в пустое ведро.

Илий машинально вытер лоб, забыв, что руки перепачканы землей. Зря он оставил кепку. Теперь – еще один куст.

На втором кусте картошка оказалась мелкой.

Обернувшись, доктор увидел детей в цветных панамках. Они затеяли такую игру: одной ногой встать на черту, где заканчивается тень, потом выбежать и на мгновение замереть под лучами солнца, как будто ныряешь в горячую воду, втянуть голову в плечи и с визгом бежать обратно. «Конечно, – подумал доктор, – лучшая игра рождается там, где что-нибудь запретили...».

Это Гоша придумал выбегать ненадолго под солнце, как бы «чуть-чуть» нарушая требование отца.

Илий окликнул их, но поглощенные игрой, они не услышали. Он заторопился, с силой вонзил лопату в землю и услышал противный скрежет. Значит, лезвие снова угодило в камень. Если лопата хорошая – ей ничего не будет, а вот если металл дрянной...

Быстрым движением подняв черенок, он взглянул на край

лезвия, стер пальцами пыль с металла. Лопата не погнулась, но на лезвии появилась едва заметная царапина.

Илий начал опускать лопату, чтобы продолжить копать, и вдруг в полированной стали что-то блеснуло. Сердце доктора сжали невидимые щипцы, словно он превратился в препарированную лягушку. Это отражение солнца. Просто яркий отблеск на лезвии, как в зеркале. Вот и все.

Горячая волна разлилась по телу, и он буквально почувствовал, как надпочечники фонтаном выплеснули в кровь адреналин.

Нет, тут что-то не так. Солнце не может отразиться от лопаты, потому что он стоит к лучам спиной. Его тень падает на лезвие, а значит то, что в отражении – никак не может быть солнцем.

Его мышцы окаменели, чего давным-давно с ним не было даже в самых критических ситуациях. Он боялся повернуться к дереву. Боялся того, что может увидеть.

«*Оно там. Снова оно*».

Свежая мысль мгновенно остудила раскаленные извилины:

«*Оно там, где мои дети...*»

Прежде чем он успел проверить свою догадку, тело его само развернулось в сторону каштанового дерева. В широко раскрытых глазах сверкнули два блика – отражения двух ступков света. Один двигался быстрее, другой чуть медленнее.

Доктор закричал, сам не понимая, что. Лопата в руке, которую он почему-то не бросил, будто вообще перестала весить.

Подошвы сандалий врезались в землю, разметали засохшие комья, и за мужчиной, бежавшим, по полю, сломя голову поднялось облако пыли.

У дерева он глянул под ноги – смятая панамка лежала на траве. Илий вспомнил, что все еще держит лопату, и отшвырнул ее в сторону. Он услышал, как лезвие капризно звякнуло, ударившись о торчащий корень. Ноги сами несли его вперед, он споткнулся, и что-то просыпалось. Только через десяток шагов Илий сообразил, что пнул ногой полную каштанов кепку.

За невысокой рощей сверкнул силуэт. Илий бросился туда, чувствуя, как икры свело от напряжения. На его пути возникла грядка гороха с понатыканными в нее тонкими жердями. Доктор разметал их в сторону и потоптал побегу. Потом он попросит у Азима прощения. Больше мыслей не было. Он даже не успевал думать о детях. Он просто собирался догнать *то*, что покусилось на самое святое для него, и отобрать – голыми руками или зубами, как придется.

Он перемахнул через заросли кустарника, расцарапав руки и щеку, чуть не налетел на телегу без колеса с торчащей железной арматурой. Рефлекторно увернулся и, почти не потеряв скорости, продолжил погоню.

Отсюда открывался широкий обзор, и он успел рассмот-

реть и убедиться, что через луг скользят два светящихся силуэта. Вероятно, каждый нес ребенка. Об этом доктор не хотел думать. И представлять себе ничего не хотел. Он только заставлял свое тело непрерывно работать, ногам приказывал не сбавлять темпа, а дыханию – не сбиваться.

Высокая трава, цветы и колючки цеплялись за одежду, не позволяли ускориться. Доктор понял, что солнечные фигуры меняют направление, словно пытаются запутать его. Краем глаза он успел заметить, что они чуть приминают траву и следом за ними в воздухе появляется легкая дымка. Значит, они материальны, хотя, вероятно, куда легче обычного человека. Теперь почему-то Илий не сомневался, что *они* – нечто живое...

Он свернул в сторону, стараясь найти более ровное место, и неожиданно почувствовал под ногами ровную тропинку. Погоня длилась всего пару минут, но на таком солнцепеке у доктора перед глазами поплыли темные круги и дыхание все-таки сбилось. Фигуры пропали из виду: то ли скрылись за кустами, то ли начали уходить по склону.

Тропинка ушла в сторону. Илий срезал путь: пятью широкими шагами пересек заросший участок поля и снова вылетел на тропинку. Неожиданно, всего в метре от себя, он увидел бледное, как полотно, лицо Дэна. Велосипед лежал на земле. Парень стоял, не в состоянии пошевелиться. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, кого он только что встретил.

– Где?! – заорал доктор. – Где *они*?!

Огромным усилием парень поднял руку и молча показал в сторону оврага.

– Звони... Звони... – услышал подросток быстро удаляющийся голос доктора. Дэн никак не мог сообразить, куда ему нужно позвонить...

Бежать стало легче – Илий понял, что спускается вниз по склону. Замелькали невысокие деревца. Чем дальше, тем выше и гуще они становились.

Доктор притормозил, зацепился исцарапанной рукой за березку, глянул по сторонам. Солнечные фигуры скрылись, а может, исчезли, испарились. Это сразу лишило его сил. В ушах зазвенело, перед глазами заплясали искры...

Однажды в командировке Илий сильно отравился. То ли на полевой кухне, то ли местной водой. Его лихорадило целую неделю, и под конец он уже не мог даже пить воду.

Пролежав несколько дней под капельницей и восстановившись, он вернулся домой. А возвратившись, узнал, что его маленький сын (Гоша тогда был еще младенцем) лежит с высокой температурой и все время кричит.

Доктор помнил это чувство беспомощности и как он готов был тысячу раз пережить все возможные лихорадки, только бы этот маленький человечек не мучился.

Он знал, что может стерпеть самые тяжелые физические

страдания, но когда они предназначались не ему, а его детям – это было страшнее всего.

Короткая остановка дала ему возможность поразмыслить. Кто схватил его детей?

Какова природа существ, сделавших это? Что известно об этих существах?

«Полудницы, – вспомнил он. – Как ни назови...»

Он попытался найти в памяти факты, которые могли бы сейчас пригодиться, из того, что прочитал о них Азим. Но «полудницы» оставались для доктора мифом. Даже сейчас, когда он видел, что они уносят его сына и дочь, – он судорожно пытался найти другое объяснение. Опыты военных? Специальные костюмы? Но кому и с какой целью нужно похищать детей среди бела дня?

Доктор не любил суеверия. На войне он много раз встречал людей, которые, опасаясь скорой смерти, сочиняли целые легенды, чтобы объяснить, почему их настиг злой рок, и они оказались на больничной койке. Илий знал, что все проще. Были люди, которым приказали применить оружие, и люди, которые ложились на хирургический стол. Как всякий врач, он мог убить неосторожным движением и мог воскресить полумертвого. Он не привык списывать на потусторонние силы неверное движение своих пальцев. От его действий зависела жизнь пациента, и он полностью за нее отвечал.

Однако были в его нелегкой работе моменты, когда по не

зависящим от него причинам больной умирал, хотя доктор все делал правильно. И наоборот, когда по всем физиологическим показателям должна была прийти скорая смерть, а человеку словно давался второй шанс.

В минуты отчаяния, когда Илий не чувствовал под собой онемевших ног, когда сводило до боли согнутые в локтях руки, когда операциям не было конца и края, он молился. Но молитва его не имела ничего общего с суевериями, это была его единственная и последняя возможность помочь умирающему пациенту.

Он молился естественно, своими словами, обращаясь к Тому, Кто создал это сердце с четырьмя камерами, клапанами и аортой, Кто создал многочисленные оболочки, систему мышц и магистрали нервов, по которым бежит электричество. Он обращался к Создателю этого сложного организма, работающего как часы или как компьютер. Илий слишком хорошо знал, как устроен человек, и его еще со студенчества восхищала оригинальность и сложность этого устройства. Доктор чинил этот автомат живого человека, трепещущий под его руками, он разрезал волокна и ткани, которых не создавал, и в тяжелые минуты, с глазами ученика, впервые разобравшего радио, обращался за помощью к Учителю.

Но такое происходило редко. Илий прибегал к молитве только в самых крайних случаях. В мирное время, как и многие люди, он надеялся лишь на собственные силы.

Глаза искали солнечный силуэт. Тонкие, но часто растущие стволы деревьев закрывали обзор. В просветах за рощей блестела вода в реке, еще сильнее сбивая с толку.

Вдруг Илию показалось, что он услышал голос сына. Высокий протяжный плач.

Его сердце сжалось до боли. Ярость затмила разум, затем пришло бессилие. И снова он ничего не увидел. Тогда, как бы сама собой, с губ слетела одна из тех молитв, которые он нашептывал, стоя часами над хирургическим столом. Взгляд его блуждал по горизонту, ловя то один, то другой солнечный блик, отражавшийся от воды.

Он не успел еще закончить молитвы, как вдруг ясно увидел скользкий вдоль берега силуэт: один, а за ним другой – сильно отставший.

Первым желанием было броситься в погоню. Но он успел немного остыть и рассудил, что «полудницы» могут снова уйти, что они куда быстрее его.

Доктор на мгновение закрыл глаза и постарался припомнить ландшафт. Он был тут всего лишь однажды, с Азимом, когда для чего-то искал соседа у берега. Карта местности, изгибы реки всплывали в его сознании, и, наконец, он сообразил, что река поворачивает вправо за небольшим холмом и делает петлю, образуя полуостров. Выходит, если бежать не вперед, а налево, он срежет путь и встретится с противником лицом к лицу.

Стоило признать – он совсем не знает своего врага в лицо.

Врага? А кто же это может быть, если покусился на его детей!

Илий побежал, на этот раз стараясь двигаться бесшумно. Когда он взобрался на пригорок, ему показалось, что справа, со стороны реки что-то на мгновение ярко сверкнуло. Он снова явственно слышал детский плач.

Илий испугался, что не успеет совершить перехват. Белая пелена покрыла глаза, гнев затмил мир вокруг. Отчаяние захлестнуло его. Он вдруг представил, что *эти твари* прямо сейчас причиняют его детям боль.

Что, если они обжигают их кожу?

Он почувствовал в себе страшную силу. Он готов был разорвать тех, кто похитил его детей. Если он не сможет пользоваться руками, то будет рвать зубами каждого, кто делает им больно... Нет, нельзя думать об этом! Нет, можно! Господи, помоги! Господи! Чей это голосок там?

Не стало доктора, не стало Илия. Первобытный человек, почти что зверь, перемахнул через пригорок, съехал вниз по влажным листьям и, подняв столб брызг, оказался на коленях в воде.

Ручей, примерно в полметра шириной, бежал в сторону реки. Ладонью Илий смахнул воду, забрызгавшую глаза, и поднял голову. Стремительно, прямо перед ним, пронесся ослепительный силуэт. Перед глазами потемнело. Не осознавая, что делает, Илий со всего маху зачерпнул воды и плеснул перед собой.

Он не попал в «полудницу». Не успел разглядеть ее и даже

не понял, держит ли она кого-нибудь на руках. Но следом выплыл другой силуэт, тот, что двигался медленнее, и струя воды пролетела прямо перед ним.

Вторая «полудница» остановилась, словно раздумывая, куда ей двигаться дальше.

Илий закричал что-то бессвязное, пошарил рукой по дну и, вытащив скользкий от тины камень, швырнул его прямо перед горящим силуэтом.

Камень отскочил от ствола ивы и шлепнулся в ручей. Вода окатила фигуру только с одной стороны. На мгновение доктор увидел лицо. Обычное человеческое лицо, испещренное морщинами. Плотно сомкнутые веки, устало опущенные уголки рта. Острая косточка ключицы, выступающая из-под серой кожи. Запястье. Узловатые пальцы. Где-то он уже видел это лицо...

Илий отшатнулся. «Старуха! Старуха из больницы!»

Силуэт разгорелся ярче; словно почувствовав его страх, лицо старухи исчезло в лучах. Доктор зажмурил глаза и услышал голос сына: «Папочка! Папа!».

Илий шагнул вперед.

– Отдай мне сына. Поставь на землю! Слышишь?!

Он выговорил это с большим трудом, как бывает в бане, когда кто-нибудь только что плеснул воды на камни, и горячая волна пара не дает говорить. Его лицо жгло, но он сделал еще шаг.

«Если ничего не случилось с ребенком, значит, ничего не

случится и со мной. А если...» – он не дал себе закончить. Он не мог просто стоять и ждать. Какое-то странное спокойствие пришло вслед за этим решением. Силуэт, будто бы отвечая его чувствам, начал светиться чуть тише. Илий протянул руки... Затем бросился очертя голову в самое пекло. На долю секунды он почувствовал тело мальчика, его цепляющиеся пальцы, и прижал к себе. Горячие волны пара обжигали кожу. Илий почувствовал, что проваливается, падает, он в последнюю секунду извернулся и приземлился на лопатки.

Раскрыл глаза. «Полудница» стояла на другом берегу ручья. Свечение ее стало слабее. И доктор снова узнал в силуэте сгорбленную старуху. Свет то становился ярче, то угасал, как будто она тяжело дышала и выбилась из сил.

Медленно, петляя между деревьями, словно слепая, она поплыла прочь.

Доктор осмотрел мальчика. Он был цел: ни ожогов, ни царапин. По щекам Гоши катились слезы, размером с ягоду брусники.

– Папа! Дым! Дым!

– Тихо, мой родной, тихо! – Он поцеловал мальчика в лоб, прижал к себе.

– Дым на тебе! – сказал мальчик, давясь плачем.

Илий посмотрел на свои руки, одежду.

– Это пар. Просто пар, Гоша. Успокойся. Все, уже все.

– Не все! Не все! Зарина! Они забрали Зарину!

Илий вскочил. Теперь уже ему точно никогда не догнать

первую «полудницу». На мгновение он подумал оставить сына и броситься в погоню, но мальчик не отпускал его руку, да и оставлять его здесь одного слишком опасно...

Отец с хрустом сжал зубы, совершая чудовищный, невысказанный выбор – кого из детей спасти. Мальчик выжил, но Зарина...

В кустах раздался треск. Гоша вскрикнул, его нижняя губа затряслась. Илий спрятал его за спину и нащупал на дне ручья новый камень. На поляну шлепнулось что-то длинно-рукое и длинноногое, в листьях и паутине.

– О, вы тут! – обрадовался Дэн. – А я не понял, куда нужно звонить, и решил догнать вас.

Он хлопнул глазами.

– А где мелкая?

Гоша испуганно выглянул из-за плеча отца. Доктор только покачал головой.

– И что, – парень сглотнул слюну. – Что нам теперь делать?

– Идти за ней. Но вы останетесь тут. Следи за Гошей. Двигайтесь к дому.

Он передал мальчика Дэну. Гоша снова заплакал.

– Куда вы? – спросил Дэн.

Доктор махнул рукой в ту сторону, где скрылась первая фигура.

– Но там, за лесом, обрыв. И горное плато. Они... – парень побледнел. – Там можно здорово упасть.

– Не думаю, что *они* подчиняются всем законам физики.

– Так значит, они существуют, эти «полудницы»?

Доктор неопределенно махнул рукой и скрылся в кустах.

Только теперь Дэн понял, что остался с Гошей совершенно один.

Илий теперь не так торопился: во-первых, он выбился из сил, во-вторых, он уже убедился, что не способен догнать первый силуэт на своих двоих.

Он присматривался к следам, которые могли бы указать, куда направилась «полудница», и скоро обнаружил, что трава, растущая под деревьями, местами опалена. Этот явный след можно было разглядеть даже на бегу.

Доктор прошел сквозь тесно растущую изгородь, раздвигая мешающие ветки, и еле успел вовремя остановиться. Сразу за дикой изгородью начинался обрыв. Насколько хватало взгляда, тянулась равнина, окаймленная рядом зеленых холмов.

Доктор увидел петляющую речку, стадо коров вдалеке, и только потом заметил удаляющийся крохотный огонек.

Он не успеет догнать «полудницу», как бы ни силился бежать. Но если это живое существо – оно устанет, обязательно устанет. Дыхание доктора снова стало ровным. Не в ногах главная сила человека. Илий заставил себя мыслить тактически, трезво, как шахматист. Пока горел огонек, оставалась надежда вернуть Зарину.

Жаль, что этот огонек и есть причина всех бед.

Глава 10

Преобразование

Земля перед глазами пестрила: солнечные пятна плясали на буром мхе, сухой листве, светло-зеленых листьях папоротника. От реки струилась прохлада, и Дэну не хотелось возвращаться обратно в жару.

Гоша все еще хныкал.

– Пойдем, пойдем, Дэнчик. Пойдем!

Парень рассеянно кивнул. Ему хотелось дождаться доктора, узнать, чем все закончилось.

– Идем, ну пожалуйста!

– Подожди минутку.

С одной стороны, парня пугали светящиеся силуэты, которые он видел на своем участке. С другой, привычный мир рушился. Значит, впереди приключения. И это было сродни тому, как в школе во время занятий кто-нибудь нажимает кнопку пожарной сигнализации. Дэн почему-то решил, что чудище, утащившее Зарину, не сделает ей ничего плохого. И вообще все это какой-то большой и нелепый розыгрыш.

Из полога леса выпорхнул дрозд. Тревожно затрещал на ветке. Дэн вспомнил перекошенное от гнева и страха лицо Илия. Вздрогнул. Что, если все по-настоящему? И сейчас доктор сражается не на жизнь, а на смерть с адской полуд-

ницей, спасая дочь.

Дэн сощурился. Ему показалось, или и в роще стало темнее? Парень поднял голову и заметил, что небольшое облако закрыло солнце, и теперь оно светит тускло, сквозь дымку.

– Смелей.

Он взял мальчика за руку и повел вдоль ручья, помня, что там проходит узкая тропка, ведущая к дому.

Они прошли всего шагов десять, когда Дэн почувствовал присутствие кого-то еще. Парень обернулся, вздрогнул, несмотря на жару, волоски на коже встали дыбом.

Гоша, к счастью, пока ничего не замечал. Дэн пригляделся и увидел среди деревьев слабое свечение. Полусогнутая рука показалась из-за толстой осины, поднялась на мгновение и бессильно повисла. Парень застыл и прижал голову Гоши к ноге. Мальчик попытался высвободиться, пискнул.

– Тихо, – шепнул Дэн, – тихо, малыш.

Не моргая, парень следил, как сгорбившаяся флуоресцентная фигура отделилась от дерева и медленно, будто раненый зверь, начала зигзагообразные движения в противоположном от них направлении.

Дэн видел ее только со спины. Фигура скользила между тусклыми солнечными пятнами на траве и замирала у очередного дерева, словно была крайне утомлена жарой.

Зрелище так увлекло парня, что он шагнул вперед, желая рассмотреть, кто бы это мог быть.

Гоша остановил его, дернул за руку.

– Боюсь! Идем! – захныкал он.

– Подожди, – шепнул парень и крепче сжал ладошку мальчика. – Ей сейчас не до нас. Гляди-гляди, похоже, она поды-хает.

Дэн узнал место, к которому они приближались. У ручья рос старый толстый дуб, на котором дедушка когда-то вырезал признание в любви бабушке. Парень тоже пытался вырезать на коре свое имя, но у него получилась какая-то каракуля.

Ствол дуба загородил фигуру от их глаз, и она больше не появлялась.

– Стой здесь, слышишь, не бойся. Я всего на пару шагов отойду.

– Не надо, не надо на пару шагов... – мальчик вытер испачканный нос и задрожал.

– Не дрейфь, Гоша. Тебе уже скоро в первый класс, – шепнул Дэн и ободряюще улыбнулся.

Его аж распирало, так хотелось посмотреть, что там с этой старой полудницей.

Когда он дошел до дерева, колени у него затряслись. Дэн даже удивился.

«Все это мифы. Дедушкины мифы».

И все-таки он вспомнил, *что* видел на дороге рядом с трактором, и ему стало жутко. Сейчас из-за дерева на него выскочит какая-нибудь бестия и вцепится в горло.

Дэн отошел назад, расширил круг. Он медленно пошел

боком, обходя дерево, и тут расслышал тихий вздох.

Парень бросился вперед. Ствол перестал загоразивать ему вид... Дэн отпрянул назад, споткнулся о корень и упал на копчик, прополз по земле около метра, выкрикивая что-то несуразное.

Дэн узнал, а может быть, ему показалось, что полудницей была та старуха из больницы, но прежде, чем он успел как следует разглядеть ее лицо, огонь окутал ее тело, мгновенно изменил черты и спрятал в сизом дыму, как будто сторала черно-белая фотография из газеты.

Гоша видел замершую физиономию Дэна, широко раскрытые глаза, и потому кричал вместе с ним. На мгновение лицо Дэна озарил свет, как от вспышки фотоаппарата, и через несколько секунд погас. Вот и все.

Через десять секунд на стволе дерева и на траве остался только темный опаленный след.

– Дэн!

Черный след. Куда же делась фигура старухи?

Парень услышал свое имя, часто заморгал. Повернул голову, соображая, кто бы это мог его позвать. Рядом с Гошей стоял доктор, он был весь в пыли, сухая хвоя облепляла его колени.

– Я сказал тебе отвести Гошу домой.

Голос доктора сейчас совсем не казался строгим, скорее печальным. Парень попытался что-то ответить, но не смог, только молча показал пальцем на черное пятно.

Илий приблизился.

– Оно умерло? – спросил Гоша, прячась за ногами отца.

– Надеюсь, – тихо ответил доктор.

Глава 11

Сборы

Всю обратную дорогу Дэн трещал без умолку. Черное пятно, ну надо же! Значит, дедушка не придумывал ничего, когда говорил, что у Илия на поле они видели выгоревший силуэт, напоминающий лежащего человека. Значит, уже неделю эти твари бродят по окрестностям прямо у них перед носом и поджигают дома. Значит, это о них написано в мифологическом словаре?

– Ведь о них, Илий?

Доктор угрюмо молчал и нес на руках обессиленного Гошу. Надо сказать, весил мальчик уже прилично.

– Ну?

– Это самое простое объяснение, но давай договоримся: с этой минуты мы называем их между собой полудницами, потому что надо их хоть как-то называть, и ты замолкаешь. Ясно? Мне нужно все посчитать.

Дэн продержался секунд двадцать.

– Что посчитать?

– Скорость бега человека – около пятнадцати километров в час. Полудница двигалась быстрее, но ненамного. Считаю, как быстро она пересечет равнину. Ей оттуда некуда деться.

Парень еще чуть-чуть помолчал. С математикой у него

было неважно.

– Что будем делать дальше? – спросил Дэн уже в десятый раз.

– Я найду транспорт и подготовлюсь. А ты позвонишь де-ду, чтобы он позвал тех, кто поможет нам в поисках...

Дыхание у доктора сбилось, сложно было говорить с ве-сом на груди.

Плато, на котором он видел полудницу, похитившую его дочь, тянулось на несколько десятков километров и упира-лось в трассу. Теоретически, если он успеет найти машину и обогнуть плато, – есть шанс перехватить похитителя. На равнине светящееся пятно будет видно издалека.

Но для этого, вероятно, придется взобраться на какую-ни-будь возвышенность. А это время. Еще нужно отыскать ма-шину, чтобы оказаться там раньше монстра. Если даже ему удастся угадать место, где полудница пересечет дорогу, – что делать дальше? Как договориться с ней или как отнять у нее девочку?

План получился никудышный, но другого предложить некому.

Доктор привык принимать в критических ситуациях те решения, которые первыми приходили в голову. Чаще всего они срабатывали. И верно, не единожды от его дальнейшего плана зависела чужая жизнь. Во время операций он отстра-нялся, чинил сломанный механизм, старался не философ-ствовать и не представлять себе, каков характер у человека,

лежащего на хирургическом столе, какой у него любимый фильм и сколько родственников ждут его возвращения домой. Все это мешало сосредоточиться и отягощало его труд. Чаще всего он и не знал, кто перед ним, он только видел раны, жилы, кости и кровь. Порой ему выдавалась возможность поговорить с теми, кого удалось спасти. И тогда все получалось наоборот: он старался не вспоминать, как выглядит его пациент под скальпелем.

Илий попытался отстраниться и в этот раз, чтобы мыслить трезво и найти как можно больше путей для спасения дочки. Ему нужна была холодная голова (даже на такой страшной жаре). Но внутренний голос упорно повторял: во-первых, Зарина не твой пациент, не чужая жизнь, и от твоего опыта и умения здесь почти ничего не зависит. Она – твое сердце, вырванное чудовищем из груди. Она – последняя инстанция, высшая степень беззащитности, ребенок, за которого даже чужой мужчина способен не раздумывая отдать жизнь, не говоря уже об отце.

Во-вторых, ее похитила не смерть и не болезнь, с которыми ты уже научился отчасти договариваться, а нечто другое, что-то, что, вероятно, несет смерть, хотя и этому нет пока подтверждения. Пожары и труп тракториста в поле можно списать на аномальную жару.

Старуха в больнице, упоминавшая о полуднице, – обычный человек из плоти и крови. Уж доктор-то убедился в этом как никто другой. Но кого он видел у ручья? Существо, при-

нявшее облик старухи, саму старуху, ее дух? Кого? Не нужно пока об этом думать. Вот уже и на него наехало колесо суеверий. Хватит. Он из мира, где человек, лишившийся ноги, ходить не может. Неизвестное науке и медицине еще не равняется мифу. Он выяснит, в чем секрет, потому что секрет этот напрямую связан с безопасностью его ребенка. Илия утешало, что Гоше они не навредили... Нужно только успеть, до дома еще метров сто... Жарко... Жарко...

Мысли начали путаться, и доктор поставил мальчика на землю.

– Ступай-ка сам, малыш.

Илий покачнулся.

– Ого-го, – воскликнул Дэн. – Вам бы присесть в тенечек!

– Дойдем до дома, и я выпью воды, – глухо ответил доктор.

Он действовал быстро, кидая в рюкзак только самое необходимое. Неизвестно, сколько продлится погоня. Нужно взять воды. Лучше пару литров. Для детей нет ничего хуже обезвоживания...

Илий еще не решил, с кем оставит Гошу. Возможно, с Дэном. Мальчик сидел на кухне и отпивался соком.

Аккумулятор телефона был почти полностью разряжен. Хорошо, что вообще работал. Утром, в суете, с детьми, Илий не успел подключить его к розетке.

Он набрал службу спасения. Коротко описал диспетчеру ситуацию, местность. Назвал полудницу, похитившую его

дочь, «неизвестным светящимся объектом». Думал, его все равно примут за пьяного или сумасшедшего, но диспетчер отреагировал на удивление спокойно. «Такие звонки уже поступали. Кто-то похищает детей. Вы не единственные. У нас не хватает людей. Ждем подмоги».

Илий открыл тяжелый люк, который закрывал ход в погреб. Пошарил рукой и под металлическими скобами нащупал гладкую кобуру и ручку пистолета. Он казался непривычно легким, как игрушечный, – рукоять и часть корпуса сделаны из прочного пластика. Но эта легкость обманчива...

Доктор знал, насколько опасно оружие, которое он держит в руке. Это был девятимиллиметровый «Глок» с патронами «парабеллум» – один из самых точных и практичных пистолетов на рынке оружия. Илию вспомнилось латинское *Si vis pacem, para bellum* – «хочешь мира – готовься к войне». Именно это ему и предстояло.

Генерал, подаривший Илию «Глок», утверждал, что он может стрелять даже под водой. Доктор долго отказывался принять такой подарок, но генерал обещал самое лучшее оружие, если он сохранит ему ногу. Удачно прооперировать конечность удалось по чистой случайности, а если бы генерала доставили на полчаса позже...

...Пистолет пришлось взять. Илий ни разу не выстрелил из него. Не то чтобы ему было не интересно – когда-то в академии он метко стрелял из оружия куда хуже этого, но на регулярные тренировки почти никогда не хватало времени.

И потом, ему слишком часто приходилось латать раны, нанесенные подобным оружием.

Он думал, что потеряет время, разбираясь с «Глоком». Но все оказалось просто. Илий нажал на кнопку на рукоятке и извлек обойму. Он знал, что собирается воспользоваться оружием, поэтому следовало тщательно его подготовить. Илий заставил себя не суетиться и неторопливо заполнил обойму патронами. Доктор удивился, что в пистолет влезло семнадцать патронов. Он вспомнил, что это еще одно преимущество «глока». Илий надеялся, что не потратит ни одной пули, но если взял в руки оружие – будь готов его применить...

Врачи дают клятву «не навреди». Родители ни в чем не клянутся, защищать своих детей – их естественная потребность. Потому и у доктора не возникло сомнений – ради спасения дочери он готов уничтожить похитителя. К тому же пока Илий не мог с уверенностью сказать, что его дочь похитил человек. Разумно было бы думать именно так. Значит, придется стрелять. Ему еще ни разу не приходилось стрелять в живую мишень. Это пугало, но не так сильно, как опасность, грозившая Зарине.

Он вставил обойму до щелчка и убедился, что она села на место. Привычного предохранителя на «Глоке» не было, спусковой крючок активировался только при осознанном нажатии стрелка. Это делало пистолет безопасным при ношении. Травмы, когда непреднамеренно стреляли в себя, Илий

много раз видел на хирургическом столе. Такие пациенты чаще всего попадали к нему в перерывах между боевыми действиями. И далеко не всегда это были неопытные юнцы.

Илий закрепил кобуру на поясе и осторожно вложил в нее пистолет. Генерал вместе с подарком выбил разрешение на его хранение. Доктор не просил об этом, но пациент оказался настойчивым. Переезжая в поселок под названием Мирный, Илий не думал, что когда-нибудь оружие ему понадобится. Но чувствовал себя спокойнее, зная, что под полом их дома спрятана грозная сила. Его утешало то, что «Глок» способен, если понадобится, защитить семью. И такой момент наступил.

Доктор знал, что, взяв пистолет с собой в погоню, он нарушает закон, так как хранение оружия и его ношение – несколько разные вещи.

Однако сейчас его это волновало в последнюю очередь. Чтобы спасти дочь, он должен применить все, что необходимо: убедить, напугать, стать боевой единицей.

Осталась мелочь, сводившая все на нет. Где взять транспорт?

Словно в ответ на его мысли со стороны улицы послышался шум мотора.

Это был самый радостный звук за весь день.

Илий выскочил во двор и увидел, как Елена на его джипе паркуется у ворот.

Она вышла из машины, сосредоточенная на своих мыслях, даже не заметив, что муж выбежал на крыльцо, и принялась доставать сумки из багажника.

Он позвал ее, быстро приблизился.

– Хорошо, что ты так рано. Мне нужна машина. Срочно.

Она вздрогнула, и ее лицо мгновенно сделалось тревожным.

– Мне захотелось приехать раньше, какое-то дурное чувство заставило...

– Оно тебя не обмануло.

– Что стряслось?

Илий опустил голову. Он был не готов к тому, что придется объясняться. Не успел ничего придумать.

Она заговорила первая:

– Повсюду какая-то нездоровая суета. По дороге сюда я видела военных. По радио передают сообщения о мародерах. Какие мародеры? Разве началась война или революция?

– Кажется, нет.

– Что происходит, Илий?

Между его бровями залегли такие глубокие тени, что Елена побледнела.

– Говори, – попросила она. – Пожалуйста, говори.

– Детей пытались похитить. Не спрашивай меня, я не знаю, кто и зачем.

Она закрыла рот рукой, глаза лихорадочно заблестели.

Илий вспомнил, зачем она ездила в Майкоп: беременна

или нет? Если да, то говорить не стоит. Но как тогда все объяснить?

Доктор оглядел ее фигуру, как бы ища ответа. Пустое! Срок еще ранний.

– Говори, прошу тебя.

Он раздумывал, что сейчас лучше: беспощадная правда или ложь во благо? А ведь на колебания нет времени – каждая минута промедления отделяет его от дочери.

– Ключи от машины у тебя?

– Вот они.

– Послушай, я уезжаю. Гоша остается с тобой. Батарея на телефоне садится, но я попробую наладить связь. Будь внимательна и всегда держи ребенка на виду...

– Где Зарина? – она сжала губы так, что они побелели, и впилась глазами в лицо мужа.

Он взял ее за плечи, очень крепко.

– Помни, что ты теперь не одна. От твоего состояния зависит чужая жизнь. Ты ведь не одна? – он посмотрел на ее живот.

Она поспешно кивнула.

– Зарину я верну. Я еду за ней и верну ее. Ты слышишь? Никто и ничто меня не остановит. Жди.

Ей захотелось кричать. Хлопнуть автомобильной дверью так, чтоб вылетели стекла. Потребовать, чтобы он немедленно все объяснил, в деталях. Она знала, знала! Предчувствие ее не подвело. Не нужно было оставлять его одного

с детьми... Он слишком самоуверен, упрям! Вот результат. Она зажала губами прядку волос, как всегда, делала, когда нервничала. Осеклась. Его ладонь легла поверх ее кисти, горячая мозолистая, крепкая.

– Не сейчас. Время уходит.

Елена подняла глаза. Отшатнулась. Лицо ее мужа было волчьим. Таким она видела его только однажды, когда подвыпивший пассажир на вокзале толкнул ее плечом и нахамил. Через минуту удивленный обидчик уже лежал на чемоданах, беспорядочно двигая конечностями, как муха, проснувшаяся от зимней спячки, а его собутыльник испуганно отступал вглубь толпы. Илий еще несколько мгновений напоминал пружину, его тело будто физически изменилось. Глаза хищно горели. Затем опасный огонек потух, движения привычно замедлились. Доктор присел на колени и пощупал пульс на шее у отключившегося мужчины.

Елена вздрогнула. Недоверие, обида отступили, сменившись страхом. Но это был уже другой страх, за тех, кто встретится ее мужу на пути. Да, он упрямый, самоуверенный и потому доведет дело до конца.

– Только не делай глупостей.

Илий прижал ее к себе, она не заплакала, удержалась. Под футболкой, на поясе, выступало что-то твердое. Кобура. Оружие.

– Все настолько серьезно?

– Угу, – муж быстро кивнул, открыл дверцу джипа, бросил

сумку с водой и аптечкой на заднее сиденье.

Он уже хотел сесть за руль, но оглянулся и, прикрывая ладонью глаза от солнца, посмотрел в сторону крыльца. Животное может почувствовать то, чего не заметит человек. Доктор подошел к псу, виляющему хвостом, и отстегнул ошейник от цепи.

– Давай, мальчик.

Гален послушно засеменил рядом, бросая на хозяина влюбленные, почти человеческие взгляды. Пес не всегда был таким послушным, только когда его долго держали на привязи. А на привязи он тоже оказался не за примерное поведение.

Илий остановился, нагнулся и поднял с пола цементной площадки маленькую детскую сандалию, принадлежащую Зарине. Хорош ли Гален, как следопыт, доктору проверять не доводилось. Жаль, что специально он этому пса не обучал.

Зато дворняга спокойно обгонит взрослого мужчину. В этом Илий не раз убеждался на своем опыте. И потому пес мог пригодиться. Ведь полудница, кем бы она ни была, двигалась, как и человек, на двух конечностях.

Елена наблюдала за всеми этими действиями молча.

Илий запустил собаку в салон и сел за руль. Пыльное стекло наполовину опустилось.

– Я поеду с тобой... – слабым голосом попросила она.

– Нет, не поедешь.

Елена отвела глаза.

– Я могу пропасть на несколько дней, – сообщил Илий, перекрикивая шум мотора. – Но есть вероятность, что я вернусь уже сегодня. Не переживай. Еще рано переживать.

Елена неуверенно махнула ему рукой. Потом он увидел в боковое зеркало, как она берет сумки и устало бредет к дому. Из дверей выскочил Дэн, сказал что-то и указал на вход. В руках он держал старый мешок на лямках.

Следом вышел Гоша и сразу бросился к маме в объятья.

Доктор не успел еще отъехать, когда Дэн без спроса открыл дверцу и забрался на переднее сиденье.

– Что тебе?

– У меня хорошее зрение, – начал парень, отдышавшись.

– И что с того?

– Я могу увидеть то, что не увидите вы. Я еду с вами.

– Только если Азим...

– Дедушка уже в курсе. Он едет с подмогой. Бросьте, Илий, я проходил спортивное ориентирование в этих местах, обегал с приятелями все холмы в округе. Если только наша полудница не скачет по валунам, как кузнечик, ей один выход: на трассу, где мы ее обязательно встретим. Правда, крутой план я придумал? Вижу по вашему лицу, что вы в шоке.

Илий закатил глаза, нажал на педаль газа.

– Зачем ты взял этот старый мешок?

– В нем картошка. Вдруг, проголодаемся.

– Что? Картошка?!

– Ага. Я невнятно говорю? Почему вы переспрашиваете?

– Потому что картошка – последнее, что меня сейчас волнует.

– Это пока вы не набегались по холмам, – со знанием дела заявил Дэн. – Однажды после ночного ориентирования я съел десять картофелин за раз. Правда, у меня сейчас нет столько. Люблю запеченную в углях. Знаете, как вкусно с солью...

– Замолчи. Мне нужно подумать. Черт! Откуда ты вообще взял картошку и этот старый мешок? У меня дома пусто.

– Собрал на обратном пути. Вы несли Гошу через поле и были слишком встревожены. Я заглянул в ведро и забрал то, что вы выкопали. А мешок лежал у вас в тумбочке. Вот увидите, моя картошка еще спасет чью-нибудь жизнь. У вас аптечка и вода, у меня – ужин.

– Надеюсь, до ужина не дойдет, – буркнул Илий.

– Мой тренер по ориентированию учил, что с собой всегда должна быть какая-нибудь еда. Еще он говорил, что в походе хорошо разделять обязанности. Так и решим: я отвечаю за продовольствие, вы...

Доктор уже не слушал парня. Он рассчитывал время. С момента похищения они потратили около двадцати минут: вернулись домой, оставили Гошу, собрались в дорогу. Илий зарядил оружие, а также предупредил обо всем Елену и службу спасения.

Все не так уж плохо: не пришлось искать транспорт, и было с кем оставить сына. Дорога до трассы займет около де-

сяти минут. Полуднице, чтобы пересечь плато, понадобится куда больше времени. Если она не свернула назад или не направилась в сторону холмов, где из-за камней и обвалов невозможно пройти, то все не так уж и плохо. Хуже, если у полудницы нет никакой цели. Но если цели нет, зачем тогда так спешить?

Дэн на мгновение замолчал и тут же услышал хриплый голос доктора:

– Я не высажу тебя. Пока. Может быть, своей болтовней ты усыпишь полудницу...

Глава 12

Скорая помощь

Гульшан ехала за рулем старенькой «Лады» по петляющей между холмами дороге и напряженно думала о том, что рассказал ей Азим.

Староста Мирного тоже молчал, изучая глазами окрестности.

Он пришел сегодня к ней на порог около двенадцати и настойчиво просил отвезти его обратно в поселок. Зная, как вежлив и воспитан Азим, Гульшан удивилась его нетерпеливости.

Однако она потребовала объяснений. Уже неделю девушка пыталась уйти в отпуск и хотя бы ненадолго забыть о своей должности главврача местной больницы. Пожары и несчастные случаи больше не повторялись с такой частотой и регулярностью, и она со спокойной совестью оставила больницу под ответственность заместителя.

Впервые за пару месяцев Гульшан выспалась и спокойно позавтракала в саду. А после этого приходит Азим и требует, чтобы она немедленно ехала с ним. С какой стати?

Он уверял ее, что все объяснит по дороге и хорошо, если она возьмет с собой несколько крепких мужчин, например санитаров.

С мужчинами в Приречье было так же худо, как с берегами в ельнике. Уж это-то Гульшан знала хорошо, иначе не завтракала бы одна. «Санитары слишком заняты, – сказала она. – Все на вызовах».

И тогда Азиму пришлось поведать о странных событиях, которые закончились похищением ребенка Илия. Гульшан заметила, что Азим рассказывает все это с виноватым видом, как будто заранее знает, что она не воспримет его слова всерьез.

– Откуда вы узнали о похищении?

– Позвонил внук.

– Разве подросток не мог этого выдумать?

Староста нахмурился.

– Мы видели *их*. Так близко, как я сейчас вижу вас. Хоть парень порой и несет околесицу, я ему верю.

Гульшан тяжело вздохнула. Окинула грустным взглядом недопитый кофе, любимую беседку, увитую плющом. Не говоря ни слова, приступила к сборам. Азим удивленно приоткрыл рот – не ожидал такого быстрого отклика. Девушка надела на плечи рюкзак, небрежным движением убрала в хвост волнистые волосы.

– Не смотрите так. Во-первых, вы тоже пришли мне на помощь, когда я просила. Во-вторых, я хорошо различаю людей прямых и честных.

Старик расплылся в улыбке.

«В-третьих, – подумала Гульшан, но вслух не произнес-

ла, – Я уже однажды встретила со светящимся силуэтом. Много лет назад. Но об этом я не готова рассказывать даже вам, милый добрый Азим. Слишком большая тема».

Парящий в небе солнечный круг светил сквозь легкую дымку. Привычная зелень холмов местами начала выгорать. Уже виднелись сухие проплешины на склонах.

Гульшан не помнила на своем веку такого жаркого лета. Ей нравился климат Адыгеи: с вершин часто дул прохладный ветерок, так что иногда даже в июле приходилось тепло одеваться, чтобы не замерзнуть от свежего дыхания гор.

Теперь же воздух застыл над асфальтом без движения, словно у ветров закончились силы. Открытые окна не спасали, но порой она улавливала знакомые с детства запахи.

Первые десять лет жизни она провела с родителями на Кавказе. Гульшан смутно помнила то время, но готова была поспорить, что у гор есть свой особый запах. Терпкий аромат, который источают травы и цветы на склонах, никогда не встретишь на равнине. А вода, родившаяся в горах – разве есть другая вода, которая так хорошо утоляла бы жажду?

– Спасибо, что поверили старику, – нарушил молчание Азим. Он то говорил на адыгейском, то переходил на русский. Гульшан не замечала этого: для нее оба эти языка были как родные. Мать – грузинка, отец – русский, бабушка, воспитавшая ее после их смерти, жила в Адыгее. Гульшан выросла, получила профессию врача и осталась там, где боль-

ше всего нужна, – в больнице Приречья.

– Мы помогаем хорошему человеку, поверьте мне, – продолжал Азим. – Он ни минуты не колебался, когда мы сообщили ему о пожаре.

– Вообще-то он давал клятву приходить на помощь, – сказала она, сдувая прядь темных волос, упрямо лезущих в глаза.

Илий оставил о себе двойное впечатление. С одной стороны, она увидела в нем профессионала. Но эта самоуверенность...

Если бы не его замечания о неустроенности больницы! Если бы он знал, с каким трудом она выколачивает средства у властей, как ей приходится унижаться, чтобы заказать обычные лекарства! Может, он и хороший человек, но слишком уж высокого мнения о себе.

«И, тем не менее, я еду, чтобы ему помочь», – подумала девушка и усмехнулась.

– Вы давно с ним знакомы? – спросила она.

– Лет пять.

– Расскажите мне о нем.

Азим улыбнулся:

– Я думал, вы захотите больше узнать о так называемых «полудницах».

– Нет, о них я слушать не хочу.

– Странно. Доктор тоже не хотел ничего о них слышать.

И вот случилось горе... Что именно вам хочется узнать?

Девушка пожалала плечами.

– Начните с самого главного.

– Он женат. Очень любит свою жену и детей, – Азим хитро посмотрел на Гульшан.

Она стрельнула в него глазами, затем перевела взгляд на дорогу, на скулах и под смуглой кожей щек выступил румянец.

– Это очевидно. Мы ведь едем искать его дочь. Я имела в виду его профессиональные качества.

– Ах, это! Он двадцать лет проработал в самых горячих точках мира. Был ранен. Нынче на заслуженном отдыхе. Выращивает урожай: кукурузу, рожь, подсолнечники...

– Подсолнечники? – она звонко рассмеялась. – Ваш великий хирург выращивает семечки?

Азим нахмурился:

– Не вижу в этом ничего особенного. Человеку захотелось покоя. Да, врачи, безусловно, нужны человечеству. Но и подсолнечное масло человечеству тоже необходимо. Вы ведь как-то рассказывали, что ваши родители выращивали виноград...

Девушка строго взглянула на Азима, словно он коснулся какой-то сокровенной тайны. В ее памяти на мгновение возникли длинные ряды жердей, увитых лозой. Крупные фиолетовые грозди, наливающиеся на солнце. Мать, обмотав голову платком, срывает сочный виноград. С одной ягоды сдирается кожура, и темный сок капает на кожу. Отец появляет-

ся в проходе между рядами и машет им рукой. За виноградником обрыв, внизу шумит море...

Азим посмотрел ей в лицо и сказал мягче:

– Я что-то перепутал?

– Нет, я просто забыла, что рассказывала вам о своем детстве.

Он, довольно щурясь, сложил руки на груди.

– Знаете, что еще рассказал мне доктор? Как однажды ему пришлось делать операцию на головном мозге. Я слышал, это самые тяжелые операции. Верно? Он извлек осколок из лобной доли одного мальчишки, попавшего под обстрел. Илий сказал, что ребенку повезло, потому что его поведение после операции совсем не изменилось. Ведь мозг – он как минное поле, заденешь что-нибудь не то, и вылетит часть функций... Да что я вам рассказываю, вы это лучше меня знаете. А правильно я назвал эти доли лобными? Я даже в атласе потом проверил...

– Правильно. Я слышала про такие травмы. Мальчику или доктору действительно повезло. – Она почему-то снова покраснела, и машина поехала быстрее.

Трасса пустовала. Изредка по ней проезжали грузовики и автобусы. За очередной грядой холмов показалось широкое плато.

– Где вы договорились встретиться? – спросила Гульшан.

– Вон там, за одиноким деревом, будет небольшой съезд. –

Азим поискал глазами поворот и заметил на грунтовой до-

роге припаркованный джип доктора. – Да, так и есть, они уже на месте.

Подойдя к автомобилю, они обнаружили, что он пуст. Азим набрал телефон Илия, но услышал только короткие гудки. Тогда он позвонил внуку. Сигнал шел, однако Данила не брал трубку.

Азим заволновался.

– Что с вами? – спросила Гульшан.

– Нехорошее предчувствие. Все начиналось так же, когда мы нашли спящего тракториста.

– Но ведь в машине никого нет.

Азим повертел головой, его подбородок по-старчески задрожал.

– Куда же они могли деться?

Он снова набрал номер доктора и вновь услышал короткие гудки.

Внезапно его телефон взорвался полифонией певучих голосов, напоминающих музыку из старых индийских фильмов. Гульшан слегка улыбнулась и легким движением убрала непослушные волосы под бейсболку, с которой не расставалась во время путешествий – солнце мгновенно нагрело их. Азим сощурился, разглядывая клавиатуру на мобильнике, крякнул и нажал на кнопку ответа так, словно это требовало сверхспособностей.

– Алло!

– Дед, мы тебя видим! – слышалось на дальнем конце.

– Где вы? Данила, что за шутки?!

– Деда, не кричи так в трубку. Связь же нормальная!

– Где ты? Сейчас же говори.

– На холме, справа от вас.

– Что? Зачем вы туда забрались?

– Мы уже спускаемся. Ходили на разведку. Да справа, дед, а не слева. Посмотри, во-о-о-т, еще повыше. Ага! Машу тебе!

Гульшан увидела две небольшие фигуры на склоне.

– Что вы там делали?

– Высматривали ее, миленькую, полудничку!

– Не валяй дурака!

– Я не валяю.

– Вы видели ее?

– Видели. Она оказалась быстрее, чем мы думали. Она уже пересекла трассу и теперь находится на другой стороне. Правда, это произошло совсем недавно.

– Недавно? Мы никого не видели!

В трубке раздалось шуршание. И другой голос, более низкий, сказал:

– Азим, спасибо, что пришли. Кто это с вами?

– Гульшан. Помните, вы познакомились больнице...

– Дэн сказал, вы привезете помощь.

Девушка закатила глаза. Ну конечно! Она ведь абсолютно бесполезна...

– Я и привез. Можно сказать, «скорую помощь».

На том конце послышался непонятный звук, то ли доктор засопел, то ли в динамик попал ветер, и связь прервалась.

Пока они дожидались «разведчиков», Гульшан предложила спрятаться от палящего солнца в тени дерева, росшего неподалеку от их стоянки. Азим с радостью согласился. Он все смотрел на широкое дикое поле, раскинувшееся за трассой, высматривал блуждающий огонек.

– Жили-жили, и вдруг на тебе: по окрестностям бродит чудовище. Даже мурашки по коже... Я, взрослый образованный человек, много чего повидавший, должен поверить, что мы столкнулись с химерой! Что вы об этом думаете?

– Думаю, вы дали правильное определение. Это чудовище. Тот, кто ворует чужих детей, несомненно, чудовище.

Азим горько усмехнулся:

– В таком случае и среди людей, которых мы, казалось бы, знаем, можно найти таких чудовищ.

– К сожалению, да.

Скоро на обочине появились две фигуры: мужчины и мальчика. По мере того, как они приближались, расплываясь в мареве, к ним присоединилась третья, на четырех лапах.

– Чья это собака?

– Доктора. Молодой пес по кличке Гален.

– Гален? Очень оригинально. Никогда не понимала, когда животных называют именами великих людей. Скажите мне, чем римский врач заслужил такую честь?

– Ну, это, наверное, не издевательство, а, скорее, своеоб-

разная дань памяти.

– Хорошо, что песик не знает, что его человекообразный тезка проводил свои первые опыты на животных.

Словно услышав, что говорят о нем, пес остановился шагах в двадцати и залаял. Доктор небрежно потрепал его по загривку. Когда они приблизились, Гульшан увидела, что мужчина и юноша взмокли от пота. Маленькие капли покрывали их лица, шею и предплечья. Пес снова зарычал, но глядел куда-то вдаль. Гульшан обернулась: на трассе вдалеке расплывались от жары горячие потоки воздуха – никого.

Дэн выглядел расстроенным, по лицу доктора сложно было сказать, что он сейчас чувствует.

– Мы так надеялись перехватить ее! – выпалил парень и плюхнулся на траву, широко раскинув руки. – У вас есть вода?

Гульшан расстегнула рюкзак и бросила ему пластиковую бутылку. Дэн присосался к горлышку, как пиявка.

– Полегче. Нам еще может понадобиться.

Он с громким чмоканьем оторвался от бутылки.

– А обычной воды нет? Не люблю минералку.

– С потом выходят соли, – сказала Гульшан, отбирая бутылку, – так что скажи спасибо.

– Спасибо. – Дэн перевалился набок и подставил под голову согнутую руку. – Вы мой мираж?

Гульшан усмехнулась и посмотрела на Азима, подняв бровь:

– Он всегда такой любвеобильный?

– Только в присутствии таких красавиц, как вы, – развел руками Азим.

– Яблочко от яблони...

Доктор кашлянул:

– Не хочу нарушать вашу милую беседу, но нам нужно спешить. Полудница движется вдоль реки. Она устает и замедляется, есть шанс догнать ее. Если...

– Полудница? – перебила Гульшан.

– Мы условились называть ее так, за неимением другого названия.

Илий подошел к джипу и полез в карман за ключами.

– Доктор хочет идти один, говорит, мы ему только помещаем, – загнусавил Дэн, все еще лежа в тени дерева с закрытыми глазами. – Конечно, я все равно пойду с ним, потому что, в отличие от вас двоих, не упаду в обморок, если придется пробежать пару километров.

Он резко оттолкнулся руками от земли и вскочил на ноги.

Гульшан надоел этот цирк.

– Что ж, раз доктор справится сам...

– Нет-нет-нет! – воскликнул Азим. – Это исключено. Мы проделали такой путь! Не сомневайтесь, Илий...

– Впрочем, мы не навязываемся, – вставила Гульшан. – Доктор ждал мужчин. А приехала сопливая девчонка, которая даже с одной больницей не в состоянии справиться.

Она сложила руки на груди и резко отвернулась.

Илий вздохнул. Ключи, как назло, никак не желали находиться.

– Во-первых, я не вижу у вас никаких соплей, что вас весьма красит. Во-вторых, да, я действительно ждал мужчин, потому что понятия не имею, какой силой обладает эта... это существо, мягко выражаясь. У нашего почтенного библиотекаря нелады с сердцем. А вы чуть не рухнули в обморок в больничном коридоре во время нашей первой встречи. Что прикажете мне с вами делать? Тащить на себе?

Доктор наконец нашел пульт и ключи, нажал на кнопку – замки открылись. Он взялся за ручку, поморщился, потому что она раскалилась, но все-таки открыл дверцу.

– Простите, я ценю вашу помощь, но не вижу в ней смысла. И не дуйтесь, Гульшан.

– Я не...

Она набрала воздуха в грудь, да так и застыла, увидав за плечом доктора то, что превратило ее ноги в два свинцовых груза.

– Силуэты. Это *они*, – произнесла она на одном дыхании, чувствуя, как страх превращает ее связки в натянутые струны, делая голос высоким и ломким. – *Они* движутся к нам.

Илий обернулся, прищурился. Ровная дорога тянулась до самого горизонта. Текучее ртутное марево, поднимающееся от раскаленного асфальта, дрогнуло. Из серебристой лужицы вынырнуло светящееся пятно. Потом еще одно.

– Одна, две, три, – сосчитал Дэн. Что-то заставило его

обернуться. – Господи! С другой стороны! С другой, Илий!
Еще три!

Гален заливисто лаял. Доктор толкнул дверь, прыгнул на горячее сиденье.

– Все в машину, живо!

Гульшан опомнилась, рванула к своей «Ладе».

– Куда?! – крикнул Азим. – Вы не сможете ехать по полю!
Только джип там проедет.

Фигуры стремительно приближались. Расстояние до них было сложно определить – потоки горячего воздуха искажали вид, сбивали с толку.

Гульшан запрыгнула на заднее сиденье, пихнула в бок оторопевшего Дэна, сидящего в обнимку с дворнягой, прижалась к стеклу и успела мельком разглядеть незваных гостей: фигуры не являлись копиями друг друга. Как и люди, они обладали уникальными чертами: отличались ростом, весом, скоростью. Каждая полудница передвигалась в своей манере, точнее сказать, по-своему скользила. Глаза Гульшан не сразу привыкли к яркому свету, но, несмотря на это, она без труда опознала в них гуманоидов – существ с парой ног и рук, с головой и шеей. А может, это и есть люди? Тогда почему они горят, как облитые бензином, и сияют, как отколовшиеся куски солнца?!

Джип рванул с места, подняв облако пыли. Скоро в нем исчезла и дорога, и одинокое дерево, и силуэты. Доктор съехал с трассы и прямо по полю направил машину к реке. Силь-

но трясло. Гульшан одной рукой держалась за дверную ручку, другой уперлась в потолок. Рядом скулил Гален и лизал бледное от страха лицо Дэна. Азим стукнулся головой о стекло и выругался, жестковато для библиотекаря, но никто не заметил.

Девушка с трудом повернула голову и посмотрела назад. Пыль осела. Блеснула на солнце начищенная эмблема на капоте. На боках старенькая «Лады», застывшей на фоне одинокого дерева, заплясали всполохи огней. Фигуры приблизились, взяли автомобиль в кольцо и хаотично закружились вокруг него, то появляясь, то исчезая.

Гульшан охнула – по капоту пробежало пламя, а может, ей только так показалось из-за мелькающих в безумном танце силуэтов.

Глава 13

Упрямый человек

Джип ревел и несся по бездорожью. Справа в низине поблескивала бурная речка. Хорошо еще, что под колесами лежала сухая глина. Иногда машина налетала на колючие кустики, и тогда раздавался глухой треск ломающихся веток.

– Вы не пробьете колесо? – озабоченно спросил Азим.

Доктор его не слышал, он с усилием вращал руль на поворотах и не отрывал глаз от дороги.

Азима мутило. Однако староста держался. Хорошо еще, что его посадили на переднее сиденье.

Скоро они выехали на прямой участок, где река почти не делала поворотов. Берег пошел под откос, и под шинами зашуршала старая песчаная дорога, заросшая ромашкой и подорожником. Трясти стало заметно меньше.

– Вот она! – сдавленным голосом проговорил Илий.

Азим присмотрелся и увидел далеко впереди движущийся горящий силуэт.

– У этих тварей есть один недостаток, – усмехнулся Дэн. – Их отлично видно на большом расстоянии!

– Держитесь! – крикнул доктор.

Машину подбросило на горке, и тут же Азиму показалось, что его сердце ухнуло глубоко вниз. Россыпь брызг весело

засверкала за окнами. Шины с плеском разметали воду в ручье. Лязгнули зубы, и язык прожгла боль.

– Неожиданно, – пробормотал он, чувствуя привкус крови во рту, и покрепче вцепился в дверную ручку.

Снова ровный участок дороги. Пятнышко вдали выросло. Они сократили расстояние до полудницы примерно вдвое.

– Мы ее догоняем. Догоняем! – радостно крикнул Дэн и свистнул.

– А что мы будем делать, когда ее догоним? – спросила Гульшан угрюмо.

– Понятия не имею, – признался доктор. – Но как-то я сумел отобрать у одной из них сына. Сумею снова.

– Значит, они из плоти и крови? – прошамкал Азим.

– Не знаю. Я не успел разобраться. Это было похоже на пар. Горячий пар. Но, возможно, я даже не прикоснулся к ней.

Дорога вильнула. За новым пригорком они чуть не врезались в машину, стоявшую у самой реки. Двое рыбаков с перекошенными лицами и выпученными глазами проводили их взглядом.

– Так вы точно не поможете своей дочери, – буркнула Гульшан. Азим обернулся и увидел ее пальцы, сжимавшие ручку на дверце: кожа на костяшках побелела.

Но доктор только прибавил газа.

Азим открыл рот, но любопытство пересилило. До полудницы оставалось метров пятьдесят, и он уже мог разглядеть ее. Она несла какой-то груз.

– Какие они быстрые!

– Эта уже устает, – пробормотал доктор. – Говорю вам, мы ее загоним.

Неожиданно дорога ушла вниз. Машина скользнула по берегу. Азиму на мгновение показалось, что сейчас они снова поднимутся на пригорок, въедут на ровный участок и догонят похитителя.

Но вместо этого раздался шум, как будто что-то взорвалось рядом. Потоки воды хлынули на стекла. Машину затрясло.

Ручей! Но гораздо шире предыдущего, и дно его сплошь усеяно камнями.

На этот раз выругалась Гульшан. Образность ее высказываний была куда ярче Азимовых. Даже Дэн, знавший все ругательства в округе, зарделся, как мальчишка.

Машина с ревом выехала на другой берег и тут же резко встала. Азима бросило вперед, но спас ремень безопасности.

– Все живы? – бросил доктор.

Дэн потер лоб.

– Шишка!

Илия это не разжалобило, он волком выскочил из джипа, рванул на себя заднюю дверь.

– Гален! Взять!

Азим услышал шорох шерсти, частое дыхание и мягкую дробь собачьих лап по мокрому песку. Илий кинулся следом за псом.

– Что он делает?! – Гульшан распахнула дверцу и выпрыгнула из машины.

– Пытается догнать ее на своих двоих. – Азим неловко слез с сиденья.

– Почему не на машине... – она осеклась и посмотрела перед собой. Гряда тяжелых камней тянулась вдоль дороги. Обычная машина проехала бы тут, но не большой джип Илия. Его внедорожник легко проходил по кочкам и канавам, но здесь оказался бесполезным.

Она взбежала на пригорок, за ней последовали остальные.

Они увидели на раскаленной плоскости берега удаляющуюся спину доктора, мелькающие подошвы, клубы пыли. Огонек на горизонте померцал и скрылся из виду.

– Зачем? Он ведь уже пытался и не догнал.

– Там его ребенок. Вот и все.

Они взяли из машины вещи, которые могли понадобиться, и отправились следом за доктором. Солнце все еще стояло в зените. Гульшан велела всем надеть головные уборы и ни в коем случае не снимать. В рюкзаках у них оставался небольшой запас воды.

Дэн захватил пыльный мешок, который перед погоней позаимствовал у Илия.

– Это еще что? – спросил Азим у внука.

– Картошка.

– Какая к чертям картошка?! Ты на пикник собрался?

Парень махнул рукой и пробубнил что-то насчет разделения обязанностей.

Они спешили, но на жаре ноги быстро стали как ватные. Илия они отыскиали скоро. Он стоял в тени кривого дерева, припав на согнутое колено, и часто дышал, как гепард после неудачной охоты. Услышав шум шагов, он поднял голову и вяло обернулся.

– Простите, я подверг всех опасности. Но иначе не мог.

Гульшан сходила к реке, сняла с шеи платок и обильно смочила его ледяной водой (речка была горной и быстрой – вода почти не нагревалась). Она вернулась к Илию, села перед ним, положила на лоб холодный компресс и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.